

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ІСТОРІИ ПОКОРЕНІЯ ЗАПАДНАГО КАВКАЗА.

ПШЕХСКІЙ ОТРЯДЪ.

СЪ ОКТЯБРЯ 1862 ПО НОЯБРЬ 1864 ГОДА.

(Продолженіе) (*).

VII.

Особенно дурная зима съ 1863 на 1864 годъ. — Жизнь солдатъ въ палаткахъ. — Начало перевозки провіанта на Гойтхъ. — Неоконченная рекогносцировка 15-го января. — Положеніе абадзеховъ этою зимою и разнаго рода столкновенія ихъ съ солдатами. — Выступленіе 8-го есврали двумя колоннами за Пшишь. — Соединеніе ихъ у Калмыко-Хабля. — Переваль черезъ гору Котхо. — Позиція при рѣкѣ Хатынь. — Переваль черезъ гору Шенепси. — Позиція при Вотепси. — Движеніе къ главному хребту. — Слѣды недавно-прошедшихъ переселенцевъ. — Переваль черезъ главный хребетъ. — Позиція на Туапсе. — Движеніе къ морю. — Случай на привалѣ. — Сцены изъ жизни горцевъ на берегу въ ожиданіи переселенія въ Турциа. — Последний періодъ военныхъ дѣйствій. — Передвиженіе пшехскаго отряда въ Тубу.

Съ 15-го декабря мелкія части пшехскаго отряда были растянуты по всему протяженію отъ Хадыжей до Гойтхъ, для наблюденія за ущельемъ; главная же часть его стояла лагеремъ при устьѣ рѣки Воцепси.

Долгое пребываніе на этой позиціи, повидимому, благопріятствовало тому, чтобы войска отдохнули вполне и собрались съ новыми силами для предстоящихъ трудовъ и походовъ.

(*) См. „Военный Сборникъ“ за 1866 г., ММ 1, 2 и 3, и „Карту района дѣйствій пшехскаго отряда“, приложенную при № 1 „Военнаго Сборника“ за 1866 годъ.

Но зима этого года отравила сладкія надежды: не дѣлая никакихъ походовъ, мы попрежнему утомлялись въ борьбѣ съ такою ужасною зимой, кака была съ 1863 на 1864 годъ. Немалый подвигъ простоять такое время въ палаткахъ.

Съ первыхъ дней расположенія частей отряда на новыхъ позиціяхъ, частные начальники, по приказанію графа Евдокимова, принялись за распоряженіе о перевозкѣ провіанта и фуража въ укрѣпленіе Гойтхъ для образованія склада, долженствовавшего обезпечить наше дальнѣйшее движеніе за переваль; но всѣ эти распоряженія могли быть выполнены при первой установившейся, хотя сколько-нибудь сносной, погодѣ. Долго мы сидѣли у моря и ждали погоды. Отвратительное состояніе дороги на Гойтхъ не было исправлено трехдневною хорошею погодой, а продолжавшіеся потомъ дожди до 23-го декабря размочили ее окончательно; затѣмъ, передъ Рождествомъ, на незамерзшую грязь выпалъ снѣгъ въ поразительномъ изобиліи, и всѣ дороги покрылись такимъ толстымъ слоемъ его, что всякая ѣзда остановилась. Въ лагеряхъ, нижнихъ частей палатокъ не было совсѣмъ видно. Во время Рождества начались морозы, доходившіе до 25° и болѣе. Снѣгъ, неуспѣвшій осѣсть, проваливался подъ тяжестью. Такая дорога не помогла перевозкѣ; люди же вмѣсто того, чтобы отдыхать, вряхтѣли отъ мороза какъ подъ тяжелою работою, хватаясь то за носъ, то за уши. Усы и бороды солдатъ представляли одну сплошную льдину (*), а часовые, чтобы хотя нѣсколько согрѣться, ни на секунду не останавливались и бѣгали взадъ и впередъ. Лошади тоже не поправлялись: раны на ихъ спинахъ — непремѣнное слѣдствіе вьючныхъ походовъ — заживали очень плохо, а кормъ былъ далеко не въ изобиліи. Горцы сначала возили въ лагерь сѣно на продажу, но морозъ отбилъ у нихъ охоту; возить же самимъ изъ складовъ, даже тогда, когда дорога дѣлалась удобною, по отдаленности было затруднительно. Такъ дрогли мы въ ожиданіи хорошей погоды.

(*) Военныя обстоятельства и перенесеніе всѣхъ временъ года подъ открытымъ небомъ заставляли часто кавказцевъ отступать, по необходимости, отъ нѣкоторыхъ установленныхъ формъ; одно изъ недобныхъ отступленій было носеніе зимою бороды. Солдаты находили въ этомъ ту выгоду, что не отмораживали себя подбородковъ и всему лицу было теплѣе; опытомъ дознали также, что зубныя боли, увеличивавшіяся въ холодное время, не усиливались; замѣтно нагрѣвалась шея безъ всякихъ галстуховъ. Офицеры испытывали тѣ же выгоды отъ носенія бороды.

Незамышленно было положение и абадзеховъ: полунагие, безъ обуви, съ вѣчною дрожью, они появлялись въ нашъ лагерь обитывать на хлѣбъ разныя вещицы. Впослѣдствіи, замѣтивъ, что солдаты начинаютъ ходить далеко за сухими дровами, они начали притаскивать въ лагерь цѣлыя бревна за очень умеренныя порціи хлѣба. Намъ странно было только то, что заходившіе въ лагерь горцы были жители участка между Пшишемъ и Пшекупсомъ, то есть того мѣста, куда еще не заходили наши войска, стало быть и неиспытавшіе бѣдственныхъ результатовъ войны. Неужели они и всегда были тамъ бѣдны?

Утѣшеніемъ для солдатъ въ это прохладное каникулярное время были только чарка спирта, костры или горячіе угольки въ палаткѣ.

Можетъ быть, не всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ на Кавказѣ солдаты дѣлали свои палатки возможными для жизни въ сильныя холода. Съ этою цѣлю они снаружи покрывали полы палатокъ толстымъ слоемъ снѣга, а съ внутренней стороны затыкали отверстія снѣгомъ; затѣмъ въ палатку вносили хорошо-пережженные угли изъ костра. Не обходилось, конечно, безъ того, чтобы не было случаевъ угорѣвшихъ на полусмерть; но это бывало рѣдко, а между тѣмъ угольки зимою были единственнымъ средствомъ хорошо отогрѣваться или, какъ выражались солдаты, „отойти“. Мокрое полотно не пропускало сквозь себя много теплоты, и внутри палатки температура возвышалась до того, что можно было сидѣть безъ верхняго платья. Такимъ же образомъ жили и офицеры.

Понятно, что могъ бы испытать отрядъ, еслибъ не было близко лѣса и въ особенности брошенныхъ ауловъ, единственныхъ источниковъ сухихъ дровъ: отсутствіе того и другаго было главною причиною страданій отряда на позиціи Гойткъ.

Погода въ началѣ января перемѣнилась. Послѣ морозовъ, навѣянныхъ сѣверо-восточными, сибирскими зѣфирами, подулъ вдругъ юго-западный вѣтеръ, но съ такою силой, что не только разбрасывалъ костры, срывалъ палатки, но и рвалъ нѣкоторыя изъ нихъ въ клочья. Подъ этою погодой солдатъ опять скорѣе задыхался, чѣмъ отдыхалъ. Въ полѣ поднялась мятель; замѣтенными дорогами продолжали служить путями разобщенія, и при такихъ обстоятельствахъ подвозовъ не могъ начаться, да и лошади еще не поправились. Со дня на день стали ждать перемѣны погоды, раэсчитывая, конечно, на хорошую; но вѣ-

теръ продолжалъ дуть съ прежнею силою до тѣхъ поръ, пока не притащилъ откуда-то тяжелыхъ, сѣрыхъ тучъ, и, съ первыми каплями дождя, которыми разразились эти тучи, стихъ: снова дождь, а за нимъ и снѣгъ начали пытать натуру кавказскаго солдата.

Желательно знать, какая армія въ мірѣ могла бы перенести съ такимъ стоицизмомъ все то, что переносила кавказская. Понятно, что нравственная сила и бодрость, которыми обладаютъ всѣ хорошо-содержимыя войска, знакомыя съ боевою жизнью, помогутъ имъ перенести временную невзгоду въ теченіе дня, двухъ дней, недѣли, наконецъ мѣсяца; но годъ, два, три года, и даже двадцать годовъ, тутъ ужъ какъ ни бодрись вначалѣ, а невольно поддашьсь и физическому, и нравственному утомленію.

Но неподобенъ закалъ кавказскихъ войскъ! Переходя отъ жары къ холоду, они живо усвоивались съ наступающимъ временемъ года и переносили зиму какъ архангельцы, а жару какъ персіяне.

Впрочемъ, гоненія этой зимы были особенно беспощадны: ждать цѣлую зиму лучшихъ дней и попадать съ мороза на бурю, съ бури на дождь, и непрерывно дрогнуть, не зная отдыха, можно окончательно потерять силы. Доставалось-таки солдатамъ въ ту зиму сильнѣе, чѣмъ во всѣ предъидущія; однако не пали они духомъ, и дурное вліяніе погоды только и выражалось тѣмъ, что превращались, неумоляемыя во всякое другое время, пѣсни и не слышно было веселаго шума; но едва погода дѣлалась хотя на столько лучше, что можно было не опасаться отморозить черезъ часть носа, какъ уже пискливые кларнеты раздавались въ разныхъ углахъ лагеря, по срединѣ котораго, на площади, собирався базаръ, и солдаты выносили туда на продажу водку, табакъ, старое платье, деревянные ложки, корыты, разные татарскія вещицы и проч.

Откладывая перевозку провіанта и фуража со дня на день, никакъ не могли найти удобнаго для этого времени. Назначили 8-е января; но погода, не позволявшая предпринимать ничего серьезнаго до сихъ поръ, сдѣлалась къ этому времени еще несноснѣе, а сильная метель навалила снѣгу непроходимые сугробы. Воловщики, подрядившіеся возить провіантъ на Гойтхъ, отказывались наотрѣзъ, и никакія цѣны не могли принудить ихъ на эту попытку. Такъ безъ результатовъ прошло

и 8-е число. Наконецъ терпѣніе лопнуло, и первый перевозочный транспортъ двинулся 13-го, не потому, чтобы заваленная снѣгомъ грязная дорога стала лучше, а потому, что нужно было торопиться, такъ какъ лошади съѣдали приготовленный для перевозки запасъ сѣна, и потому, наконецъ, что ранней весною необходимо было быть у берега моря. Крайность сдѣлала непроходимую дорогу, проходимою.

Около мѣсяца простоялъ нашъ отрядъ при устьѣ Воценси въ бесплодной борьбѣ съ природою. Срокъ къ окончанію перемирія приближался. Общее ожиданіе, что по окончаніи его абадзехи откроютъ военныя дѣйствія, заставило начальника отряда ознакомиться съ мѣстностію, нанести ее на планъ, напомнить абадзехамъ о скоромъ срокѣ ихъ выселенія и вообще быть вполне готовымъ къ успѣшной борьбѣ. Поэтому назначена была рекогносцировка: отрядъ изъ трехъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, полка драгунъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ (*), выступилъ 15-го числа вверхъ по рѣкѣ Воценси. Это было первое движеніе внутрь страны, служившей послѣднимъ убѣжищемъ для горцевъ по сѣверному склону горъ.

Огромные сугробы снѣга, подтаявшіе снизу, не держали на себѣ солдатъ, почему пущенная въ „одинъ конь“ кавалерія должна была утаптывать дорожку: весь отрядъ растянулся въ одного человѣка. Унавшій духъ горцевъ давалъ огромное вѣроятіе предположенію, что они не осмѣлятся первыми предпринять какое-нибудь рѣшительное дѣйствіе противъ насъ, а тѣмъ болѣе нарушить миръ, котораго оставалось еще 15 дней: иначе нападеніе ихъ на нашу колонну, въ такомъ строю, могло бы стоить намъ большихъ жертвъ. Хотя всю дорогу солдаты шли по протоптанной дорожкѣ, но постоянно проваливались выше колѣна, набирая въ сапоги подснѣжной воды.

Пройдя берегомъ верстъ пять, отрядъ перешелъ черезъ рѣку Хошарамуко, притокъ Воценси съ лѣвой стороны, потомъ поднялся на плоскую возвышенность, поросшую кустарникомъ. Невысокія вершины сосѣднихъ горъ торчали кругомъ, а впереди насъ возвышался хребетъ Котхъ, тянущійся параллельно главному хребту. Потомъ, повернувъ направо, мы перевалили черезъ три горныхъ отрога и въ первый разъ встрѣтили гру-

(*) Ширванскій, самурскій, севодно-линейный № 1-й стрѣлковые баталіоны; горный заводъ облегченной № 3-й басаира и весь Тверской драгунскій полкъ.

пу ауловъ, по рѣкѣ Цыце, около которыхъ расположились на позиціи.

На другое утро страшная буря пробарабанила колышками палатокъ по головамъ спящихъ солдатъ слишкомъ раннюю повѣстку; по ней отрядъ поднялся раньше обыкновеннаго. Часовъ въ восемь войска выступили и направились къ хребту Коткъ, съ цѣлю перевалить на южную его сторону; но природа и тутъ помѣшала этому намѣренію: лошади драгунъ, промлаживавшія впереди дорогу, проваливались уже не по брюхо, какъ вчера, а уходили въ снѣгъ такъ глубоко, что едва могли выснакивать. Не удалась борьба съ природой: нужно было вернуться назадъ. Быстро шли мы по прежней же дорогѣ; буря къ полудню достигла такой силы, что съ каждымъ порывомъ ея не только цѣлая масса людей, но и лошади, какъ курицы, гонимыя вѣтромъ, сбѣгали въ сторону отъ дороги. Если приходилось кому-нибудь развѣвать ротъ противъ вѣтра, тотъ рѣшительно захлебывался напоромъ воздуха. Поправивъ и очистивъ мѣстами дорогу, 17-го числа мы опять были подлѣ устья Воценси. Правда, снова морозъ, снѣгъ, дождь и буря, какъ акуратные часовые, смѣняли другъ друга, да все-таки бѣда эта переносилась на позиціи легче, чѣмъ въ походѣ. Складъ сухихъ дровъ, найденный нами здѣсь, былъ для насъ неоцѣнененъ. Видя такое изобиліе ихъ и зная, что вблизи не было много жилыхъ ауловъ, нѣкоторые старались разузнать объ этомъ немного поподробнѣе.

— Ужь давно, ваше благородіе, мы разбираемъ аулы версты за три отсюда, отвѣчалъ спрошенный солдатъ на вопросъ: „поздажека ли приходится носить дрова“.

— Да вѣдь тамъ живутъ еще.

— Они выселяются понемногу: какъ очередь приходитъ разбирать аулъ на дрова, и они подаются дальше.

— Развѣ вы получили право выгонять ихъ силою?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! Это они, значить, сами знаютъ, что намъ безъ дровъ вельзя быть.... Вотъ анадисъ, ваше благородіе, какъ разбирали тотъ аулъ, что стоялъ на горѣ, пришли мы, а навстрѣчу къ намъ и выходитъ старенькій старичокъ съ клюшкой, да и началъ словно фатеры отводить: вотъ эту саклю—говорить—разбирайте, вотъ эту можно, говорить; какую покажетъ, ту и беремъ.

— Значить, тѣ сакли, гдѣ живутъ, вы не трогаете?

— Всяко бываетъ, ваше благородіе! преговорилъ солдатъ.

— Кто же вамъ позволялъ растаскивать жилища сакля?

— Какъ можно, ваше благородіе! Мы не трогаемъ тѣ горницы, гдѣ они живутъ. Вотъ примѣрно, ваше благородіе, вылезть, енто, вчера къ намъ хозяинъ да и говорить, что у него марушка вагъ, баранчукъ вагъ, и просить, чтобы не трогали его саклю; а она осталась одна, новыхъ мѣстовъ, стало, мы еще не знаемъ: откелова добыть намъ дровъ? Ну, мы и начали растаскивать....

— Эту саклю?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, не всю: ту горницу, куда они собрались, мы оставили, а забрали только порожищу половину. — Ваше благородіе! да вѣдь начальство имъ велить выселяться: чего же они не выселяются? закончили солдатъ.....

Опять надолго расположился отрядъ на этой позиціи и, конечно, не оставался празднымъ: во-первыхъ, устроилъ за-сѣку, вагъ первый опорный пунктъ и первое складочное мѣсто запасовъ на лѣвой сторонѣ Шиша; во-вторыхъ, открылъ съ природою нѣкотораго рода борьбу: 20-го числа была отпращена колонна для раскопки занесенной снѣгомъ дороги на Гойтхъ. Послѣ долгаго спора съ вѣтромъ и снѣгомъ, постоянно уничтожавшими труды войскъ, дорога была приведена въ сносное состояніе. Остальные войска жили себѣ попрежнему.

Въ этотъ же періодъ времени колковникъ Граббе получилъ чинъ генераль-майора. Всѣ радовался отъ души за добраго, ласковаго и всегда внимательнаго къ положенію солдата молодца своего начальника.

Положеніе абадзеховъ въ теченіе этой зимы было крайне некорроно. Смертность горцевъ по Пшакупсу доходила до огромныхъ размѣровъ. Густое населеніе этихъ плодородныхъ долинъ до того уменьшилось приходомъ абадзеховъ, удалившихся изъ мѣсть, занятыхъ нашими войсками, что въ одной саклѣ проживало по четыре, иногда и по пяти семействъ. При тѣснотѣ, опасныя простуды, которымъ подвергнулись горцы во время переселеній съ одного мѣста на другое, при страшной распутицѣ зимы, содѣйствовали сильному распространенію тифа. Тяжелая болѣзнь, вмѣстѣ съ илѣнными, перешла и къ намъ въ Лабу.

Вѣдность горцевъ дошла между тѣмъ до крайней степени и число просящихъ хлѣба удесяперилось; даже женщины, „ма-

рушки“, какъ называли ихъ солдаты, появляясь за подавiемъ. Не только взрослые, но и двѣнадцатилѣтнiе дѣти, имѣя въ виду заработать хлѣбъ, стали таскать бревна. Въ это время солдаты обращались съ горцами очень ласково, хотя не могли удерживаться, чтобы не выкинуть какого-нибудь колѣнца, съ цѣлюю посмѣшить товарищей. Такъ, напримѣръ, одинъ солдатъ, услышавъ во фразѣ просителя хлѣба слово „баатырь“ (*), обратился къ товарищамъ съ вопросомъ:

— Видали, братцы, какiе у нихъ богатыри?—Тамъ ты богатырь? спросилъ онъ исхудамаго горца.

Вопросъ этотъ, обращенный къ жалкой фигурѣ горца, возбуждалъ общiй хохотъ. Ободренный смѣхомъ острякъ подошелъ къ горцу съ словами:

— Такъ твоя богатырь, а моя — солдатъ, урूसъ. Давай, кто кого одолѣетъ? и, схвативъ удивленнаго абадзеха въ охапку, повалилъ его на землю. Лицо горца, поднявшагося съ земли среди общаго смѣха, выражало полное недоумѣнiе. Не понимая, что онъ былъ невольнымъ представителемъ абадзехскихъ богатырей, горецъ, оправившись, послѣ борьбы, намѣревался уже бѣжать, но былъ остановленъ своимъ бывшимъ соперникомъ и получилъ отъ побѣдителя добрую краюху хлѣба.

Случалось иногда видѣть престранное отношенiе нѣкоторыхъ изъ этихъ бѣдняковъ къ солдатамъ. Между горцами встрѣчались такiе, которые приносили дрова постоянно одной и той же части войскъ и, не торгуясь, складывали ихъ около костра, а сами садились безъ церемонiи около солдатъ, справедливо считая, что услугою они купили себѣ право сидѣть съ ними у огня. Солдатамъ такiе горцы особенно нравились: они съ ними охотно сходились, весело встрѣчали ихъ, когда они появлялись съ обычной пошею, давали имъ хлѣба, водки и борща съ саломъ. Горцы, мало по малу, какъ бы прикомандировывались на довольствiе къ той части, куда носили дрова, и солдаты называли ихъ обыкновенно „прикомандированными землячками“. Неженство, впрочемъ, обходилось горцамъ такое обближенiе съ нашими солдатами: прочiе абадзехи смѣялись надъ ними и не принимали ихъ къ себѣ, преимущественно за нарушение адата: не ѣсть сала. Одинъ изъ такихъ горцевъ, приди разъ на позицію и не заставъ тамъ, выступившаго наканунѣ въ походъ, отряда, подстергъ

(*) Баатырь, слово татарское, значить богатырь. Просители, желая придать кому-нибудь почетный титулъ, называютъ „баатырмамъ“.

колонну, прибывшую за провинность, и нешелъ было съ нею, но былъ остановленъ другими абадзехами.

Однажды, какой-то несчастный горецъ, съ потухшими глазами, полунагой, и съ совершенно красной и изуродованной морозомъ грудью, едва ступая дрожащими ногами, подошелъ къ костру. Всѣ солдаты были поражены его наружностію.

— Тоже воинъ, подумаешь, сказалъ кто-то, осматривая горца. — Ъсть нечего, а ружье, небось, беретъ.

Вскорѣ затѣмъ, говорившій принесъ свой старый полушубокъ и, подойдя къ бѣднягу, началъ безцеремонно стаскивать съ него послѣднія отрепья. Горецъ хотѣлъ было оказать сопротивленіе, но по слабости силъ не могъ; когда же на него надѣли полушубокъ, онъ апатично посмотрѣлъ кругомъ и, подобравъ свои прѣжнія тряпки, накинулъ ихъ сверхъ полушубка. Какъ груба оболочка и какъ благородно содержаніе этого поступка! Не жестоко русскій солдатъ, хотя иногда странно выражаются его благородныя чувства!

Зима приближалась къ концу. Хорошая погода стала чаще утѣшать насъ и дальше выстаивать; снѣгъ, между тѣмъ, началъ замѣтно опадать.

5-го февраля въ Пшишскую станицу пріѣхалъ командующій войсками Кубанской области, куда, для встрѣчи графа, еще 31-го января, были отправлены ашшеронскій и ширванскій стрѣлковыя баталіоны, при взводѣ горныхъ орудій 20-й артиллерійской бригады.

Перемиріе съ абадзехами, по ихъ просьбѣ, было отложено еще на семь дней, а 8-го числа, по приказанію графа Евдокимова, какъ войска, стоящія на Воцепси, такъ и бывшія въ это время въ Пшишской станицѣ, двинулись за Пшишь, уже не для осмотра мѣсть, а для выселенія бывшихъ хозяевъ и уничтоженія сакель.

Около этого времени всѣ отряды двинулись къ главному хребту, окончательно очищая отъ населенія все пространство по сѣверному его склону.

Дѣйствовавшіе отряды были: главные—*пшишскій* и *дагесскій*; лѣвѣе ихъ, у самыхъ сѣвѣжныхъ горъ—*мало-лабинскій* и *шамышейскій*, а правѣе ихъ—*аджумскій* и *джубскій* отряды. Послѣдніе два сначала приближались къ общей линіи дѣйствія, но потомъ оба сошлись въ одно Джубское ущелье и одинъ за другимъ были расформированы.

Новые дни, установившіяся съ 25-го января, своими постоянствомъ какъ будто вознаграждали за прошедшее. Съ непривычки намъ казалось, что солнце въ полдень шло сильно; но толстый слой снѣга, срытый по ночамъ морозами, трудно поддавался теплымъ лучамъ, хотя мѣстами большія черныя прогалины, выглядывавшія уже изъ-подъ снѣга, сильно дестрили видъ полей.

Войска пехотнаго отряда, выступившія изъ двухъ пунктовъ, переночевавъ на рѣкѣ Пхаситъ и рѣкѣ Кумби, соединились 10-го числа въ огромномъ аулѣ Кашмыко-Хабль, который состоялъ изъ цѣлой цѣпи большихъ и малыхъ ауловъ, тянувшихся вдоль рѣки Марте.

Съ 10-го по 16-е февраля отрядъ нашъ простоялъ въ этомъ мѣстѣ. Каждый вечеръ позиція окаймлялась горящими аулами. Изобиліе фуража вознаграждало лошадей за долгое терпѣніе. Стоянка эта была полезна тѣмъ, что запасы фуража въ Пхеской станицѣ и въ Хадыжахъ уже истощались, и впереди не было скорой надежды на большой сборъ фуража, почему было бы хорошо постоять здѣсь и подольше; но насъ манилъ берегъ моря, который былъ еще важнѣе.

Страна между Пшишемъ и Псакупсомъ представляла слегка всхолмленную мѣстность, перерѣзанную безчисленнымъ множествомъ горныхъ ручьевъ и рѣчекъ. По качеству своему, грунтъ земли могъ равняться съ черноземомъ. Конечно, не удивительно послѣ этого, что всѣ балки, гдѣ едва только протекали струйки воды, были застроены сплошными линиями ауловъ. Мы въ первый разъ встрѣтили слѣды такого огромнаго населенія. Грустно было горцамъ оставлять эти мѣста. Случалось видѣть, что огонь уже охватывалъ сотни ауловъ, а въ слѣдующихъ едва только начинали выбираться для выселенія или на Лабу, или въ „Стамбулъ“. Ни одна пуля не была послана въ защиту чуждыхъ мѣстъ: до таковой степени горцы были проникнуты убѣжденіемъ въ необходимости безпрекословнаго переселенія.

Дальнѣйшее движеніе продолжалось, попрежнему, безъ выстрѣла. Какая-то непонятная робость заставляла горцевъ бѣжать отъ нашихъ войскъ безъ попытки на сопротивленіе; не дождавшись обѣщанной помощи и не вѣря въ свои силы, абадзехи даже избѣгали встрѣчи съ нами; оставляя аулы, они исчезали безслѣдно. Нѣсколько дней тому назадъ начавшіяся

туманы были такъ сильны, что въ пятидесяти шагахъ фигура человѣческая обращалась въ неопредѣленную тѣнь; густота тумана, скрывая отъ насъ окрестности, спасла много ауловъ отъ истребленія.

17-го февраля отрядъ расположился на ночлегъ недалеко отъ высоты *Коткъ*, по южному скату горы, совершенно очищенному отъ снѣга. На другой день солнце привѣтствовало наше наступленіе, однако освященный путь нашъ былъ гораздо труднѣе пройденнаго наванунъ. Мѣста были красивы, но сильно всколзены, что намекало на близость главнаго хребта, и мы непрерывно шарили изъ одной балки въ другую. Всякій разъ, какъ только подымались на высоты, передъ нами развертывались красивыя окрестныя ущелья. Вслѣдъ затѣмъ мы спускались въ балки, по которымъ двигались среди треска горящихъ сакель и воя оставшихся въ аулахъ вѣрныхъ псовъ. Въ этотъ день туманъ не застигалъ намъ глазъ, почему и огромное количество ауловъ было обращено въ пепель.

Начали подыматься на гору *Коткъ*. Крутизна, глубокій снѣгъ по сѣверному склону, топкая грязь по южному—утомляли войска; тяжелая и громкая одышка сотни людей, тихо поднимающихся на крутизну подъ тяжестію ранцевъ и другихъ боевыхъ принадлежностей, еще болѣе громкій шагъ и бряканье утомленныхъ животныхъ замѣнили всякіе разговоры и сопровождали движеніе до самой вершины горы. Но окончился тяжелый подъемъ, и все измѣнилось: внизу, подъ горой, уже раздавался гомерическій хохотъ нѣсколькихъ баталіоновъ, забавлявшихся поединкомъ артельной собаки съ кошкой, попавшейся въ этихъ мѣстахъ. Право, иной, посмотрѣвъ на такую сцену, не повѣрилъ бы, что это тѣ же самые солдаты, которые, четверть часа тому назадъ, обливаясь потомъ, едва не задыхаясь отъ усталости, съ трудомъ переступали съ ноги на ногу. Впрочемъ, привычка къ переходамъ по горамъ тѣмъ и выражалась, что вмѣстѣ съ окончаніемъ труда при подъемѣ кончалось и всякое дурное впечатлѣніе, не оставляя въ людяхъ, привычныхъ къ горнымъ походамъ, даже большой усталости.

Спустились съ горы; прошли еще немного и стали на позицію при рѣкѣ *Хатысь*. Отсутствие фуража, дичь и безлюдье, неподававшія надежды на возможность добыть его, начавшійся, знакомый намъ, безконечный дождь со снѣгомъ, глубокая грязь

на позиціи и суровый видъ самой мѣстности стали намъ напоминать пребываніе наше на Гойткѣ, только съ тою разницею, что теперь оставалось у насъ одно утѣшеніе — ожиданіе теплаго времени. Да не вѣчно же быть и хорошей погодѣ: отдохнули мѣсяць — ну, и довольно. На этой позиціи мы простояли четыре дня. Посланная оттуда колонна въ Хатынжи возвратилась 21-го февраля, измученная переходами черезъ разлившіяся рѣчки, и привезла намъ запасы по 4-е марта.

22-го февраля, спустившись въ ущелье Хатынсь, отрядъ тронулся внизъ по этой рѣкѣ, безпрерывно переходя броды. Какъ извѣлесты горныя рѣчки въ своихъ узкихъ долинахъ, можно судить по тому, что въ этотъ переходъ, не болѣе двѣнадцати верстъ, мы перешли рѣчку въ бродъ счетомъ тридцать-восемь разъ. Версты за двѣ до Псекусса, куда впадаетъ Хатынсь, мы встрѣтили обширную, круглую долину; окружающіе ее скаты были усѣяны аулами. Какъ и въ Калмыко-Хяблѣ, пришельцы сдѣлались хозяевами и расположились по ауламъ, навѣки покинутымъ абадзехами.

Какъ видно, въ этихъ мѣстахъ абадзехамъ было уже тѣсно жить: всѣ площадки между кустами на горахъ и вся нижняя плоскость были освобождены отъ всѣхъ построекъ и хорошо обдѣланы для посѣвовъ. Скучность покосныхъ мѣстъ заставляла ихъ кормить свой скотъ въ зимнее время сухимъ дублякомъ и соломою, что подтверждали и заготовленные въ лѣсахъ цѣлыя стоги дубовыхъ сучьевъ и отсутствіе сѣнныхъ запасовъ. На этой позиціи мы простояли опять четыре дня, рыская небольшими отрядами по веѣмъ сосѣднимъ ущельямъ.

Множество ауловъ по Псекупсу соблазнили нашихъ фуражировъ; пожива разными вещицами и надежда на хороший фуражъ завлекали ихъ далеко. Небольшими партіями разѣзжались „фараоновы войны“ по разнымъ ауламъ и вездѣ встрѣчали полное безлюдье; изрѣдка поживлялись они не одною мелочью, но иногда находили заблудившуюся скотину. По крайней мѣрѣ, не проходило дня, чтобы изъ фуражировки не возвращались безъ добычи: у однихъ видѣлись на вьюкахъ соломы привѣшенные котелки, у другихъ — козы съ зерномъ (*);

(*) Холщевые мѣшки у горцевъ не въ употребленіи, а ихъ закрѣпляютъ для той же цѣли козьи шкуры, цѣликомъ снятыя съ животныхъ, съ туго-перевязанными, короткообрѣзанными лапками. Шейка служила отверстіемъ, черезъ которое всыпалось и высыпалось зерно.

у инаго можно было иногда замѣтить выглядывавшую между вѣтвями сѣна мордочку маленькаго теленка; верѣдко встрѣчались фуражиры со свѣжимъ мясомъ въ рукахъ — остатками быка, порѣшеннаго въ свѣшномъ дѣлѣ. Каждый подобный транспортъ окружала толпа любопытныхъ, наперерывъ острившихъ надъ разными вещами.

„Эхъ народецъ, прости Господи, эти татары! слышалось повременамъ. — Понадѣлаютъ себѣ разныхъ вещицъ, позаведутъ скотины, а какъ уходятъ — бросаютъ, а за ними знай-ходи и подбирай, да и вози еще на вьюкахъ.“

Четыре дня, проведенныхъ нами на позиціи Хатыпсъ-Хабль, шелъ теплый, но сильный дождь; снѣгъ съ горъ исчезалъ такъ быстро, что къ 24-му числу южные скаты ихъ уже совершенно очистились. Если зимою природа была какъ противъ насъ, такъ и противъ горцевъ, то теперь она была положительно за послѣднихъ: перегораживая дождями намъ путь, она много замедляла движеніе войскъ. Адагумскій отрядъ не могъ даже продолжать наступленіе; да и нашему приходилось повременамъ тяжеловато. 25-го февраля было назначено выступленіе. Но потоки дождевыхъ водъ и отъ быстро-таящаго снѣга наполняли всѣ углубленія въ долинѣ. Рѣка же Хатыпсъ, которая лѣтомъ напоминаетъ о своемъ существованіи почти сухою промоиной, выступила изъ береговъ и смыла построенный саперами мостъ. А потому мы принуждены были остаться на прежней позиціи, въ ожиданіи окончанія постройки новаго моста. 26-го февраля мы выступили, оставивъ за собою слѣдъ уничтоженіемъ ауловъ. Солнце пекло въ этотъ день полѣтнему; за то необсохшая еще дорога была хорошимъ пробнымъ камнемъ какъ для людей, такъ и для лошадей. Послѣдніе еще съ 16-го числа питались большею частію гнилою, конченою соломой съ крышъ. Почти весь переходъ шли мы по косогорамъ скользкимъ отъ грязи; спуски и подъемы тянулись иногда по нѣскольку верстъ. Какъ странно показалось бы непривычному глазу движеніе, въ непріятельской землѣ, колонны, вытянутой въ одного человѣка. Щетинистой змѣей, охватывая три и четыре сосѣднія горы и изгибаясь по формѣ ихъ скатовъ, колонна блескала своими иглами то на темномъ фонѣ южныхъ скатовъ, то на серебристомъ фонѣ сѣверныхъ. Такъ подымаясь все выше и выше, мы дошли наконецъ до вершины хребта *Шенеси*, паралельнаго Котхъ. Холодный вѣтеръ

далъ почувствовать высоту, на которой мы находились. Ширина гребня этой горы не превосходила двадцати шаговъ; видъ съ него на южную сторону былъ дикъ и незанимателенъ: горы, почти такой же высоты, поросшія невысокимъ гѣсомъ и дубнякомъ, заслонили низменные мѣста. Предстоящій спускъ былъ затруднительнѣе подъема и шелъ по узкой, крутой, каменстой промоинѣ. Здѣсь, вѣроятно, соблазвившись хорошо мишенью, образовавшеюся изъ массы войскъ кри спустѣ, какихъ-то два или три байгуша начали стрѣлять въ насъ съ сосѣдней высоты. Какъ ни плохо стрѣляли они, однако ранили одного солдата, что заставило поднять наверхъ роту стрѣлковъ, съ цѣлюю прогнать съ вершины всѣхъ, сколько бы ихъ тамъ ни было. Пройденный необыкновенно крутой спускъ былъ послѣднимъ препятствіемъ въ этотъ день. Выйдя изъ тѣснины въ долину рѣки Шенепси, которая впадаетъ въ Псекупсъ, отрядъ раскинулъ палатки. Хвостъ нашей колонны прибылъ на позицію шестью часами позже головы. Жители ауловъ долины не ожидали нашего появленія и только что начали собираться въ путь.

Невеликъ и нетяжелъ былъ переходъ слѣдующаго дня. Хотя тоже приходилось нырять изъ кручи въ кручу и подыматься съ одной вершины на другую, но дорога была суше и покатости горъ отложе. По дорогѣ мы обогнали семейства, вышедшія изъ ауловъ шенепсискаго ущелья и направившіяся къ берегу моря; они были расположены бивуакомъ. Между горцами встрѣчались красивые мужчины и прехорошенькія дѣвушки, которыя, какъ видно, не слишкомъ убивались своимъ положеніемъ: въ улыбкахъ ихъ проглядывала веселость безъ отѣнка грусти. Да и чего было имъ грустить? Привычка съ малыхъ лѣтъ къ мысли, что онѣ могутъ быть всегда проданными въ Турцію, заставляла ихъ чаще думать о „Стамбулѣ“, чѣмъ о родинѣ.

Подойдя къ рѣкѣ Вотепси, мы расположились на позиціи, заставивъ партію переселенцевъ, отдохавшихъ на этомъ мѣстѣ, подняться въ походъ. Мѣсто нашего расположенія находилось на высотѣ Тукснаго поста и отстояло отъ него не далѣе десяти верствъ. Конечно, этимъ воспользовались и послали туда колонну за провіантомъ и овсомъ. Колонна 29-го февраля вернулась, а 1-го марта отрядъ двинулся къ главному перевалу.

Первое, что встрѣтилось намъ на пути—это цѣлый лагерь батановъ изъ хвороста, гдѣ недавно ночевали переселенцы. Путь ихъ отходить было легко какъ по вѣтви признакамъ, тамъ и по трупамъ лошадей, встрѣчавшимся по дорогѣ чуть не черезъ каждые пятьдесятъ шаговъ. Чѣмъ далѣе мы шли, тѣмъ болѣе признаковъ свидѣтельствовали, что цѣлая армія переселенцевъ отъ насъ недалеко; наконецъ начали встрѣчаться и люди, да только въ такомъ видѣ, что лучше бы ихъ никогда и не видѣть: сначала наши мы недалеко отъ дороги умершаго старика, непогребеннаго горцами; затѣмъ встрѣтили молодую женщину, сидѣвшую передъ бродомъ. По распросамъ оказалось, что мужъ бросилъ ее потому, что у ней болитъ нога и что она не можетъ скоро идти.

— Какъ же не подумалъ твой мужъ о томъ, что съ тобою будетъ, если ты останешься одна? спросили ее черезъ переводчика.

— Онъ взялъ съ собою сына, а мнѣ сказалъ, что кто-нибудь возьметъ меня и уведетъ на Кубань.

— Куда же отправился твой мужъ?

— Въ Стамбуль.

Эти простые отвѣты безъ жалобъ, выразившіе полное убѣжденіе, что съ нею не случилось ничего особеннаго и что это былъ только воля мужа, которому она должна покоряться съ молчаливостію рабыни, расположили къ ней всѣхъ окружающихъ. Многие давали ей деньги, а одинъ изъ женатыхъ батанскихъ командировъ взялъ ее подъ свое покровительство.

Нельзя не упомянуть о жестокомъ эгоизмѣ горцевъ и о крайне-грубомъ взглядѣ ихъ на женщину. Въ ночь съ 30-го ноября на 1-е декабря, описанную въ предыдущей главѣ, когда подъ ужасною погодой плѣнные горцы воченѣли безъ помощи, потому что кромѣ островъ ничего нельзя было имъ предложить, и когда, благодаря запасливости деньщика, офицеры, согрѣвшись чаемъ, начали пить горскихъ дѣтей, тогда мужчины, въ особенности старшии, показали, съ какимъ нечеловѣческимъ эгоизмомъ обращаются они со слабѣйшими. Они безсовѣстно отнимали чай у дѣтей и женщинъ и вымывали его сами, такъ что офицеры были принуждены пить эти слабыя существа изъ своихъ рукъ. При переселеніи горцы бросали ослабѣвшихъ женщинъ, если нельзя было рассчитывать получить за нихъ хорошую выручку при продажѣ; молодыхъ же и красивенькихъ

дѣвушекъ и женщинъ они возили даже больныхъ. Старость женщинъ не имѣла значенія при такихъ расчетахъ. Немного далѣе мы встрѣтили едва живую старуху, брошенную въ одномъ изъ балагановъ безъ всякой помощи.

Путь нашъ шелъ сначала по широкому ущелью, которое потомъ постепенно суживалось. Наконецъ надо было оставить берегъ рѣчки и подняться на небольшую площадку, гдѣ, сдѣлавъ привалъ, мы начали взбираться на вершину главнаго хребта, который здѣсь еще не очень высокъ. Подъемы были весьма круты, и дорога по покатости, высушенной соли-цею, тянулась не болѣе четырехъ верстъ. Тяжелъ, но не изнурителенъ былъ нашъ путь. По дорогѣ мы попрежнему встрѣчали большіе лагеря балагановъ. Палыхъ лошадей было такъ много, что мѣстами приходилось обходить дорогу. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ остановокъ и отдыховъ, войска послѣдовательно начали всходить на вершину хребта и, не останавливаясь на ней, продолжали спускаться по широкой промоннѣ, служившей однимъ изъ верховій рѣки Туапсе. Черезъ нѣсколько времени передъ нами открылось извилистое ущелье этой рѣки, окоймленное каменными обрывистыми горами, характеризующими свойства южныхъ отроговъ. Видъ этотъ былъ оживленъ такою оригинальною и веселою обстановкой, какой мы не встрѣчали еще до сихъ поръ: оба ската ущелья были покрыты группами отдыхающихъ и идущихъ переселенцевъ. Пестрота женскихъ костюмовъ, мелькавшихъ въ разныхъ мѣстахъ, движущіяся фигуры конныхъ и пѣшихъ мужчинъ, небольшія стада, пасущіяся въ разныхъ мѣстахъ, до того оживляли картину, что даже восхищали солдатъ, бродившихъ до сихъ поръ по дикимъ и безлюднымъ мѣстамъ.

Пройдя по спуску версты двѣ, голова колонны остановилась, и растянувшійся отрядъ началъ стягиваться. Расположившись на привалѣ въ сосѣдствѣ съ отдыхающими переселенцами, наши начали вступать съ ними въ разговоры. Одна изъ такихъ группъ была расположена на косогорѣ и состояла изъ пяти взрослыхъ женщинъ, трехъ мужчинъ и множества дѣтей обоего пола. Красивая пестрота костюмовъ издали носила вблизи признаки бѣдности. Шагахъ въ четырехъ ниже группы лежала мужская фигура, покрытая буркою, изъ-подъ которой слышались тихіе и глухіе стоны; высунувшіяся изъ-подъ бурки сухія, босыя ноги повремениамъ вздрагивали и вытяги-

вались. Видно было, что несчастный страдалецъ доживалъ послѣднія минуты. Папаха съ бѣлою чалмой говорила, что это былъ хаджи. Сначала солдаты не замѣчали его, но чрезъ нѣсколько времени онъ былъ окруженъ ими, и, конечно, не обошлось безъ замѣчаній.

— А что, братцы, вѣдь это у нихъ мулла такъ-то пропадаетъ; мычить-то какъ?...

— А гляньте-ко, братцы—перебилъ другой—вѣдь вотъ со всѣмъ значить помираетъ, а ружье-то подь нимъ.

— Ты, значить, и не слышалъ, что безъ ружья они не помираютъ. Вотъ выдери ты ружье изъ-подъ него, будетъ онъ тебѣ хоть пять годовъ такъ-то мычать, а все не помретъ какъ слѣдъ, замѣтилъ какой-то острякъ.

— Стыдно, братцы, шутить надъ умирающимъ, сказалъ имъ одинъ изъ офицеровъ, и солдаты замолчали.

— Да и народъ-то чудной какой-то — началъ опять вполголоса одинъ изъ неугомонныхъ наблюдателей—мы пропадаемъ, какъ собираемся на гору, а они уже при спускѣ.

— Не все намъ горе—замѣтилъ одинъ изъ толпы—страхась бѣда и на ихъ голову.

Колонна продолжала стягиваться довольно долго. При этомъ каждый пробѣгавшій солдатъ считалъ непремѣннымъ долгомъ отпустить остроту либо насчетъ марушки, либо насчетъ кого-нибудь изъ сидящихъ. Между другими пробѣгалъ одинъ солдатъ, который, увидѣвъ кучу горцевъ, остановился и, вынимая изъ кармана сухари, началъ кидать ихъ дѣтямъ, приговаривая за каждымъ изъ нихъ: „гайда! гайда!...“ и т. д. Дѣти стали ловить сухари, а матери улыбками благодарили его; но солдатъ, не замѣчая ничего, пресерьезно продолжалъ свое занятіе, какъ-будто отправлялъ службу. Набросавъ такимъ образомъ значительное количество сухарей, онъ хотѣлъ было удалиться; но сидѣвшій тутъ горецъ, желая, вѣроятно, въ свою очередь отблагодарить его, произнесъ нѣсколько разъ, глядя его по рукаву:

— Якши!... джигить!... якши!...

— Я тебѣ, чортова кукла, дамъ такое якши, что раскочится твоя бритая голова, произнесъ неожиданно солдатъ и побѣжалъ дальше.

Какъ трудно разобратъ иногда чувства нашего солдата!

Безспорно, онъ сдѣлалъ больше добра, чѣмъ всѣ только ахаюшіе о бѣдныхъ; но чѣмъ объяснить столь грубую выходку?

Пройдя по ущелью еще верстъ восемь, отрядъ остановился на позиціи при впаденіи Малаго Туапсе въ Большое, почти на одной высотѣ съ укрѣпленіемъ Гойтхъ. Минувя громадныя толпы переселенцевъ, направлявшихся къ берегу, мы шли спокойно. Впрочемъ, по фуражирамъ около новой позиціи было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ; но это служило скорѣе исключеніемъ изъ обыкновеннаго порядка вещей.

Впродолженіе 2-го числа мимо нашего лагеря тянулись вереницы переселенцевъ, навьюченныхъ своимъ добромъ. Можно было встрѣтить и молодую женщину, несущую на спинѣ ношу не менѣе пуда, отъ которой веревка перепоясывала ея грудь, и мать съ младенцемъ на рукахъ и съ цѣлою постелью за спиной; встрѣчались дѣти, не болѣе шести и семилѣтняго возраста, съ головами, покрытыми чугунными котелками, и державшихъ, кромѣ того, въ рукахъ что-нибудь въ родѣ таза. Потерявъ лошадей отъ недостатка корма, цѣлыя семейства горцевъ навьючивались сами и, не будучи въ состояніи перенести весь свой скарбъ въ одинъ разъ, перетаскивали сначала одну его часть версты на двѣ, потомъ возвращались за другою. Особенно тихо подвигались они тамъ, гдѣ широкая и быстрая рѣка Туапсе перерѣзывала ихъ путь.

Въ этотъ же день въ отрядѣ былъ полученъ приказъ, вполне соответствовавшій общему желанію: назначалась рекогносцировка внизъ по Туапсе. Рано утромъ выступила колонна, къ которой пристроились всѣ желавшіе повидать море, посмотреть, какъ турецкія кочермы вывозятъ горцевъ, воспользоваться безошлинною торговлею иностранными товарами, и т. п.

До устья Туапсе было болѣе тридцати верстъ. Солдаты безъ ранцевъ шли очень быстро, непрерывно переходя глубокіе броды. Отъ нашего лагеря все ущелье Туапсе было заставлено таборами направлявшихся къ берегу переселенцевъ, и огромныя вереницы ихъ тянулись не только по долинѣ, но и по всѣмъ горнымъ тропинкамъ.

Не обошлось однако безъ происшествія: на привалѣ казаки привели юношу лѣтъ шестнадцати и увѣряли, что они, по шраму на лѣвой щекѣ и по сходству его съ оставшеюся сестрою, узнаютъ въ немъ одного изъ уведенныхъ горцами казачьихъ мальчиковъ. Къ этому казаки прибавляли, что онъ до

сихъ поръ хорошо говоритъ по-русски. потому что когда его спросили: „ты русскій или абадзехъ?“ то онъ совершенно ясно отвѣтилъ: „ей-Богу, абадзехъ!“ Но въ разговорѣ съ начальникомъ отряда молодой человѣкъ притворился, что не знаетъ нашего языка и что никогда не былъ русскимъ. Его отпустили; однако казаки продолжали разными доказательствами подтверждать вѣрность своей догадки, прибавляя, что онъ непременно напуганъ абадзехами, которые окружали его, но что, будучи допрошенъ отдѣльно, можетъ быть, признается. Молодого человѣка велѣли позвать вторично; казаки поскакали за нимъ и повели его, отгоняя другихъ абадзеховъ. Это вторичное и притомъ внезапное приглашеніе сильно встревожило горцевъ. Нельзя было не согласиться, что шестнадцатилѣтній абадзехъ, стоявшій снова въ кругу казаковъ, сильно смахивалъ на русскаго парня: бѣлокурые, пенькообразные волосы, курносый носъ. сѣрые глаза. ухорскія манеры, которыми онъ старался подбодрить себя, невольно подзадоривали заговорить съ нимъ по-русски; но всѣ увѣщанія русской братии остались тщетными. и парень продолжалъ отстаивать свое абадзехское происхожденіе. Для большаго доказательства справедливости его словъ, велѣно было привести мальчика, котораго онъ называлъ своимъ братомъ, чтобы повѣрить сходство его съ родными. Когда черезъ нѣсколько времени въ кружокъ нашихъ ввели черномазаго мальчишку съ манерами дикаго волченка, отличавшагося поразительнымъ несходствомъ съ молодымъ псевдо-абадзехомъ. то вся толпа разразилась громкимъ хохотомъ. Волченокъ. перепугавшись, не выдержалъ и заревѣлъ во все горло; но тогда подозрѣваемый русскій, спокойно стоявшій до сихъ поръ, при первыхъ звукахъ заплакавшаго мальчика подскочилъ къ нему. крикнулъ что-то и быстро взмахнулъ рукою. Не убери казаки приведеннаго маленькаго дикаря, онъ получилъ бы добрую оплеуху. Плячь у горцевъ считается преступленіемъ. Впрочемъ, и самъ герой, несмотря на постоянно-веселое выраженіе, которое онъ искусственно придавалъ своему лицу, не могъ удержать слезъ. лившихся неспросясь его. Затѣмъ онъ былъ отпущенъ. Насильно милъ не будешь!

Недоходя четырехъ верстъ до берега, отрядъ нашъ встрѣтилъ на позиціи часть даховскаго отряда при двухъ горныхъ орудіяхъ. Во время движенія нашего между Пшишемъ и Псекупсомъ, генераль Гейманъ съ отрядомъ сошелъ наконецъ съ

Пшехи, гдѣ простоялъ почти годъ, а 21-го февраля отрядъ этотъ, въ составѣ: тринадцати съ половиною баталіоновъ пѣхоты, двухъ эскадроновъ драгунъ, трехъ сотенъ казаковъ, двухъ сотенъ туземной милиціи и шести горныхъ орудій, выступилъ изъ Гойтха, спустился по Чилипси, перешелъ на Туапсе и 23-го числа занялъ Вельяминовское укрѣпленіе, въ четырехъ верстахъ отъ котораго оставилъ небольшую часть войскъ для прикрытія работъ.

Пройдя еще версты двѣ, мы увидѣли, какъ высоты, примыкающія къ берегу, рѣзко очерчивались на гладкомъ синемъ фонѣ, какъ сѣрые клубы дыма вились надъ чернѣвшимъ вдаль парухомъ, какъ на крайнемъ бугрѣ возвышенности, тянувшейся по правой сторонѣ рѣки, то свѣтлыми, то темными полосами вырисовывалась извилистая стѣнка Вельяминовскаго укрѣпленія и какъ у подножія этого бугра, около ряда турецкихъ кочермъ, въ видѣ муравейника, кишело нѣсколько тысячъ народа. Наконецъ мы подошли къ берегу. Взоры, уже утомленные дикими видами, постоянно замкнутыми сосѣдними возвышенностями, теперь жадно впились въ безпредѣльную даль, отдыхая вмѣстѣ съ тѣмъ на мягкомъ колоритѣ спокойнаго моря. Многие изъ невидавшихъ море прежде, по цѣлымъ часамъ лежа на скатахъ бугровъ, какъ лацарони, молча любовались этою разнообразной, но почему-то очень привлекательной картиной. При приближеніи къ морю, при видѣ его, много шутокъ, много остротъ было высказано солдатами.

— Вотъ хорошо будетъ идти-то дальше—говорилъ одинъ, притворяясь дурачкомъ—все по ровному, да по ровному.

— Да какъ же ты пойдешь по водѣ-то? спрашивалъ наивно товарищъ.—По ней и черти не пройдутъ.

— Эхъ, братъ, служишь, служишь, а не знаешь того, куда гоняютъ нашего брата. Ну, анадьсь, лѣзли на гору: вѣдь ты жъ говорилъ, что сюда и черти никогда не ходили; а мы взошли. Вотъ и здѣсь говоришь, что никакой чортъ не пойдетъ по водѣ, а какъ велить, братъ, пойдешь, безпремѣнно пойдешь.

Въ другихъ кружкахъ шли болѣе серьезные разговоры; тамъ разбирали вопросы: о томъ, почему море подходитъ ажъ къ самому небу, о томъ, есть ли у моря другой край, и земля ли по ту сторону, или нѣтъ, и проч.

Долина Туапсе при ея устьѣ значительно расширяется: рѣка течетъ въ низкихъ болотистыхъ берегахъ и сильно съуживается;

при впаденіи же въ море не образуетъ никакого расширенія. Возвышенности, отдѣляющія долину Туапсе отъ сосѣднихъ рѣкъ, доходятъ до самаго моря, круто спускаясь въ него; но высота ихъ незначительна. Лагерь даховскаго отряда раздѣлялся на два и стоялъ по обѣ стороны рѣки. Отлогій берегъ у подножія Вельяминовскаго укрѣпленія имѣлъ видъ азіятскаго базара: около стоявшихъ на берегу кочермъ столпилось множество горскихъ переселенцевъ обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ; многія семейства, огородившись низкою стѣнкой, сложенной изъ камня, составляли цѣлый рядъ квадратныхъ и круглыхъ построекъ, въ которыхъ были разведены огни и виднѣлись висѣвшіе надъ нимъ котелки, а надъ дымомъ куски баранины. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега стояли уже давнишнія постройки въ видѣ сараевъ, стѣны которыхъ были сложены изъ камня, взятаго со стѣнъ укрѣпленія, когда была брошена береговая линія; онѣ тоже были набиты горцами, готовящимися къ отъѣзду въ Турцію. Все узкое пространство между этими сараями и рядомъ кочермъ на берегу было наполнено коннымъ и пѣшимъ народомъ, движущимся взадъ и впередъ. Здѣсь абадзехи продавали свое оружіе и лошадей; тамъ толпы полунагихъ бѣдняковъ выпрашивали себѣ подаваніе, и хотя на этомъ базарѣ не было такого шума, какой встрѣчается на азіятскихъ торговыхъ площадяхъ, но за то все прочее оставалось безъ измѣненія. Расположившись семействами, на землѣ, въ разныхъ мѣстахъ базара, горцы, казалось, считали эти мѣста прочною осѣдлостію и, не стѣняясь проходящимъ народомъ, занимались своими домашними дѣлами: мыли бѣлье, переодѣвали платья, занимались туалетомъ, шитьемъ, варкой пищи и проч.

Всего любопытнѣе была амбаркація переселенцевъ на три кочермы, готовившіяся къ отходу въ Турцію. Едва только возвращалась къ берегу лодка, сдавшая своихъ пассажировъ на судно, какъ на нее кидались горцы, давно ожидавшіе на берегу счастья попасть въ число отъѣзжающихъ. Конечно, большая часть изъ нихъ оставались только при своихъ ожиданіяхъ. Но были и такіе, которые съ какимъ-то отчаяніемъ бросались въ воду и, несмотря на крики, а иногда и побои, сыпавшіеся на нихъ отъ сидѣвшихъ въ лодкѣ, не выпускали изъ рукъ борта уже отчалившей отъ берега лодки и взбирались-таки на нее, и безъ того переполненную народомъ.

Переселеніе обходилось горцамъ дорого: запрещеніе брать

съ собою оружіе и скотъ лишило ихъ значительной части имущества; необходимость заставляла продавать свое имущество за безцѣнокъ. Обыкновенную винтовку можно было, по этому случаю, купить отъ 50 к. до 1 р. 50 к. сер.; шашки и кинжалы продавались иногда дешевле стоимости на нихъ серебра, не считая цѣнности клинковъ и работы. Очень многими было однако замѣчено, что старики, даже въ крайности, не продавали оружія, и подобной торговлей занимались преимущественно молодые люди. Одинъ старикъ, опоздавъ, догнавъ верхомъ уже отчалившую лодку, соскочилъ въ нее, сорвалъ съ лошади уздечку и бросилъ въ море, а лошадь пустилъ на волю; потомъ выстрѣлилъ изъ винтовки и съ эффектомъ бросилъ ее въ воду; то же сдѣлалъ онъ съ пистолетомъ, за которымъ, въ свою очередь, послѣдовалъ и кинжалъ. Казалось, что, покидая родину, старикъ вырвалъ сердце надъ своимъ оружіемъ, которое въ его рукахъ не остановило сильнаго завоевателя.

Лошадь очень порядочную можно было купить за 15 р. сер.; солдаты же двухгодовалыхъ жеребятъ, конечно, измученныхъ голодомъ и перевозкою, покупали даже по 50 к. сер., за которыхъ въ послѣдствіи брали рублей по 18. Полтора ста штукъ баранты пріобрѣтались многими за 8 р. Нѣкоторые же горцы поступали иначе: прійдя со всѣмъ имуществомъ къ берегу и, узнавъ, что при переселеніи нужно бросать или продавать за безцѣнокъ все свое имущество, они повернули оглобли назадъ отъ такой услуги и на вопросы солдатъ: „знакомъ, куда садись?“ отвѣчали: „Стамбуль яманъ! Кубань якши! Кубань садись!“

Насталъ вечеръ. Косвенные лучи заходящаго солнца ярче позолотили поверхность моря и еще рѣзче отгѣняли черный корпусъ вдали стоящаго нашего военного парохода, который пересталъ разводять пары, потому что графъ Евдѣимовъ отложилъ свою поѣздку до другаго дня. Кочермы, набравъ пассажировъ, тихо подвигались къ югу подъ слабо-натянутыми парусами, а прочія оставались у берега. Скоро солнце нырнуло въ море, а взшедшая полная луна обманула наше ожиданіе: вмѣсто того, чтобы въ натурѣ показать намъ тѣ чудные переливы свѣта въ водѣ, какіе встрѣчаются въ ночныхъ видахъ Айвазовскаго, она освѣтила только поднявшійся невысоко надъ моремъ густой, бѣлый туманъ, который, какъ опущенный занавѣсъ, свидѣтельствовалъ, что представленія того дня были кончены. Только гдѣ-то вдали свѣтился слабый огонекъ.

Прошла холодная ночь. Рано утромъ пароходъ сдѣлалъ поворотъ и, распустивъ по небосклону свѣтлый столбъ дыма, повезъ командующаго войсками Кубанской области по направленію къ Новороссійску.

Затѣмъ открылась торжественная церемонія дальнѣйшаго движенія даховскаго отряда изъ долины Туапсе въ долину Псе-зуапе, гдѣ находились остатки форта Лазаревскаго. Раздѣленный на три колонны, отрядъ двинулся тремя отдѣльными дорогами: одною—по берегу моря, другою—по первому ущелью, параллельному берегу моря, третьею—по тому же направленію и по второму ущелью отъ берега; а чтобы и море не было празднымъ, то на двухъ баркасахъ азовской флотиліи размѣстились стрѣлки Севастопольскаго полка, которымъ велѣно было держаться нѣсколько впереди головы прибрежной колонны. Такъ началось наступленіе въ землю убыховъ. Все утро 4-го марта нашъ отрядъ оставался на берегу.

Здѣсь прибывшіе офицеры могли запасти нѣкоторыми предметами для разнообразія своихъ незатѣйливыхъ обѣдовъ, приобретаая все крайне дешево въ сравненіи съ цѣнами въ отрядѣ, хотя товаръ и не отличался хорошею добротою. Но что удивляло насъ болѣе всего, такъ это появленіе въ такое время множества яблоковъ, апельсиновъ, грушъ, картофеля, капусты и проч.

Тысяча различныхъ сценъ занимали насъ: нѣкоторыя ко-чермы начинали собираться къ спуску въ море; между переселенцами вездѣ видны были прощанія, а мѣстами слышенъ былъ плачь. Послѣ утренняго туалета, рѣзче видѣлась разница между костюмами женщинъ. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь богатство служило для наблюдателя средствомъ къ опредѣленію разныхъ сословій и кружковъ; достатокъ, дающій досужее время и возможность производить тяжелыя работы руками наемныхъ или крѣпостныхъ, выражался и у нихъ въ болѣе нѣжномъ цвѣтѣ лица, въ менѣе загорѣлыхъ рукахъ и даже въ лучшихъ манерахъ. Тутъ въ первый разъ мы могли разсмотрѣть большое стеченіе типичныхъ горянокъ, между которыми встрѣчались очень красивыя женщины и дѣвушки.

На грустный ладъ настроены были всѣ ихъ взаимныя отношенія. Нельзя при этомъ не замѣтить, что всякія нѣжныя чувства въ столкновеніяхъ съ женщинами у горцевъ считаются или, вѣрнѣе, считались малодушіемъ, недостойнымъ хороша-

го мужчины; но молодые горцы какъ будто разрушали это предубѣжденіе: рѣзко грубое обращеніе оставалось, повидимому, привилегіей стариковъ. Обращеніе же горцевъ съ холопами безразлично-возмутительно.

Раздался сборъ, и мы отправились обратно на свою позицію. Дальнѣйшее движеніе даховскаго и пшехскаго отрядовъ было началомъ финала шестидесяти-трехлѣтней драмы.

Шапсуги, живущіе по правой сторонѣ Туапсе, уже изъяснили полную покорность; поѣтому общій планъ дѣйствій, какъ видно изъ послѣдующихъ предпріятій, состоялъ въ томъ, чтобы даховскій отрядъ, повернувъ къ югу, двигался все время далѣе, по берегу земли убыховъ, переваливаясь изъ ущелья одной рѣки въ другое, постоянно очищая каждое изъ нихъ до ихъ истока, т. е. до главнаго хребта; пшехскій же отрядъ долженъ былъ отыскать дѣйствія параллельно движенію даховскаго по верховьямъ рѣкъ, текущихъ по сѣверному склону, открывая сообщенія съ даховскимъ отрядомъ. Потомъ, усиливъ собою всѣ существующіе уже небольшіе отряды по разнымъ ущельямъ, мы должны были открыть по нимъ разработку дорогъ черезъ хребетъ.

Въ скоромъ времени отрядъ нашъ перешелъ въ Хадыжи и, отдохнувъ тамъ дней 17, двинулся въ Тубу. Къ 29-му марта всѣ части его стянулись къ верховьямъ Пшехи и расположились лагеремъ верстахъ въ четырехъ выше Самурской станицы.

30-го марта мы тронулись далѣе вверхъ по правому берегу Пшехи, верхнею, дурно-разработанною дорогою; потомъ спустились въ долину и, дойдя до Маратуковскаго поста, должны были взойти по промоинѣ на высоты праваго берега, потому что долина въ этомъ мѣстѣ вдругъ обращается въ узкую трещину.

Богѣе богатая растительность отличала это ущелье отъ ущелій Псекупса и Пшиша. Верстахъ въ четырехъ выше Маратуковскаго поста, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Пшеха протекаетъ въ узкой лощинѣ между двумя высокими горами, есть интересное явленіе въ этой воинственной странѣ: съ вершины хребта праваго берега до вершины лѣваго высится природная каменная стѣнка, состоящая изъ известковыхъ каменныхъ глыбъ, вертикально поднятыхъ изъ земли. Эта сплошная стѣнка, вѣроятно, когда-нибудь перегораживала и русло рѣки; но быстрое теченіе воды въ Пшехѣ очистило себѣ ложе, обра-

зовавъ небольшіе пороги. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ проходилъ отрядъ, стѣнка была разрушена. Горцы, вѣроятно намѣревавшіеся здѣсь защищаться, сдѣлали здѣсь завалъ изъ большихъ деревьевъ; но во время нашего движенія завалъ былъ уже разбросанъ по скату горы. Отойдя семь верстъ дальше отъ этого урочища, отрядъ остановился на ночлегъ.

На другой день, съ перваго шага, мы начали подыматься на высоту, тянущуюся около четырехъ верстъ; потомъ, пройдя еще нѣсколько подъемовъ и спусковъ, сошли опять къ Пшехъ, продолжая путь по правому плоскому ея берегу до того мѣста, гдѣ впадаетъ въ нее рѣка Гогопсъ. На площадкѣ, въ углу между этими рѣками, забѣлѣлись наши походныя палаточки; на оконечности же высоты, раздѣляющей ущелья двухъ рѣкъ и составляющей какъ бы третью сторону треугольной поляны нашего расположенія, начали строить засѣку, которая извѣстна подъ именемъ *Тубинской*.

Съ лѣвой стороны этой позиціи, среди лѣсистыхъ горныхъ вершинъ, торчала голая, высокая, каменистая скала, далеко виднѣющаяся какъ маякъ, а съ правой стороны тянулись значительныя высоты, отдѣляющія ущелье рѣки Цыце и ознаменованныя, еще въ февралѣ мѣсяцѣ, замѣчательно-рѣдкимъ подвигомъ пластуновъ, подъ начальствомъ Евтушенки. Чтобы передать этотъ случай, я рѣшаюсь приостановить рассказъ о дѣлахъ отряда. Сухое первоначальное описаніе этого происшествія мало объяснило дѣло.

VIII.

Поиски за барантой.—Евтушенко.—Святіе непріятельскаго поста.—Выступление 15-го февраля команды подъ начальствомъ сотника Дугина.—Утро 16-го числа.—Ночь съ воскресенья на понедѣльникъ (съ 16-го на 17-е).—Перестрѣлка партій Евтушенки.—Гибель партій Дугина.—Евтушенку казаки выбираютъ за старшаго.—Движеніе къ Цыце.—Непрístupная позиція казаковъ.—Отбитіе штурма 18-го числа.—Доканчиваніе стѣнки въ ночь съ 18-го на 19-е число.—Новая атака въ среду (19-го числа).—Предложеніе сдачи.—Тревога по линіи.—Горцы останавливаютъ послѣднюю на призывъ пѣхоту.—Положеніе казаковъ въ четвергъ.—Предложеніе Кубанова.—Прибытіе полковника Амлахарова съ войсками.—Движеніе войскъ впередъ 21-го числа.—Казаки спасаются отъ голодной смерти въ ночь съ 21-го на 22-е число.—Предпріятіе въ субботу.—Участь сотника Дугина.—Прибытіе пшехскаго отряда въ Тубу.—Реконсцировка 1-го и 2-го апрѣля.—Занятія отряда по 10-е число.—Двойной переходъ черезъ переваль.—Распределеніе войскъ пшехскаго отряда по другимъ.

Многіе говорятъ, что оскудѣлъ Кавказъ молодецкими подвигами и что такихъ молодцовъ, какіе были прежде, стало го-

раздо меньше. По наружнымъ явленіямъ это замѣчаніе справедливо, но относительно духа кавказцевъ оно крайне неосновательно. Характеръ послѣднихъ военныхъ дѣйствій, заключившійся въ наведеніи ужаса на непріятеля появленіемъ значительныхъ массъ войскъ, въ охватываніи сразу всѣхъ ущелій, не позволявшемъ противнику сосредоточить ударъ на одну изъ частей арміи, имѣлъ слѣдствіемъ, что въ послѣднія времена уже не встрѣчалось кровопролитныхъ дѣлъ и всѣ движенія наши были болѣе похожи на маневрированіе для отгѣсненія слабѣйшаго противника, чѣмъ на подготовительныя дѣйствія для боя.

Въ послѣднее время подобныя эпизоды, какъ сухарная экспедиція и разнаго рода критическія положенія нашихъ войскъ, стали дѣломъ невозможнымъ, а потому и случаи, требовавшіе вызова охотниковъ на смѣлый подвигъ, сопряженный съ вѣрною опасностію, встрѣчались уже весьма рѣдко. Но если встрѣчались подобныя случаи, то кавказцы обнаруживали тотъ же геройскій духъ, которымъ отличались всегда: доказательствомъ можетъ служить происшествіе, случившееся въ февралѣ мѣсяцѣ 1864 года.

Въ началѣ этого мѣсяца, перебѣжчиками съ горъ дано было знать, что недалеко отъ Самурской станицы зимуетъ около двухсотъ штукъ баранты. Не довѣряя вполнѣ слухамъ, велѣно было, для повѣрки ихъ, послать предварительно пластуновъ, въ числѣ 20 человекъ, подъ командою казака Евтушенки, которые и выступили въ ночь на 8-е число (*).

Николай Матвѣевичъ Евтушенко, теперь урядникъ Самурской станицы, еще не будучи казакомъ, жилъ при одномъ изъ своихъ родственниковъ въ Черноморіи, ходилъ съ нимъ постоянно на охоту въ плавни, гдѣ и пріобрѣлъ пластунскія

(*) Вновь прибывшіе переселенцы на передовую линію состояли большею частью изъ людей бѣдныхъ, немѣвшихъ даже сноснаго хозяйства и жертвовавшихъ послѣднія копѣйки на постройку домовъ. Все богатство ихъ состояло изъ нѣсколькихъ быковъ, которые были приведены издалека. Горцы нерѣдко похищали у станичниковъ не только скотъ, но захватывали и неосторожныхъ жителей. Поэтому набѣгъ, съ цѣлію отхватить у противника скотъ, могъ принести много выгодъ: во-первыхъ, набѣгъ могъ обогатить хозяевъ, потому что трофеи подобнаго рода дѣлались всегда между жителями тѣхъ станицъ, которыя принимали участіе въ экспедиціи; во-вторыхъ, заставить противника, опасаясь нашихъ нападений, держаться болѣе въ своихъ предѣлахъ, не дѣлая на насъ набѣговъ; въ-третьихъ, нѣкоторымъ образомъ это была расплата за тѣ похищенія горцевъ, отъ которыхъ нерѣдко терпѣли жители передовыхъ станицъ.

способности и навыкъ къ мѣткой стрѣльбѣ. Когда его родители, жившіе въ Малороссіи, прибыли переселенцами въ Самурскую станицу, тогда молодой Евтушенко оставилъ Черноморію и поселился здѣсь съ своею семьею. Изъявивъ желаніе быть пластуномъ, онъ самымъ усерднымъ образомъ шнырялъ по горамъ, подцѣпляя, повременамъ, оплошныхъ горцевъ и знакомясь съ мѣстностію. Посланный теперь, онъ получилъ приказаніе снимать непріятельскіе пикеты, забирать плѣнныхъ и дѣлать все, что только возможно, избѣгая потерь съ нашей стороны.

Пластуны, шныряя по горамъ, послѣ нѣкотораго времени замѣтили вдали огонекъ и начали къ нему подкрадываться: то былъ непріятельскій пикетъ. Подползли къ нему ближе и увидѣли три человѣческія фигуры, освѣщенные костромъ. Выстрѣломъ Евтушенко свалилъ одного изъ нихъ; раздался другой, и на ногахъ остался только одинъ изъ трехъ. Попавшіе въ плѣнъ горцы, одинъ живьемъ, другой раненымъ, были братья, которыхъ привели въ Самурскую станицу. Показанія братьевъ, взятыхъ въ плѣнъ, подтвердили, что баранта дѣйствительно находилась недалеко, и даже нераненый горецъ предлагалъ свои услуги быть провожатымъ. По этимъ вторичнымъ свѣдѣніямъ былъ собранъ маленькій отрядъ изъ 30 конныхъ и 120 человѣкъ пѣшихъ казаковъ, въ числѣ которыхъ было 20 пластуновъ съ Евтушенкой. Сотникъ Дугинъ, назначенный начальникомъ отряда, выждавъ, 15-го февраля, закатъ солнца, направился вверхъ по ущелью рѣки Цыце. Плѣнный горецъ находился при сотникѣ переводчикомъ и проводникомъ.

Безосановочно шла команда вверхъ по рѣкѣ. Около полуночи Евтушенко объявилъ Дугину, что конница далѣе идти не можетъ и что недалеко отъ этого мѣста есть фуражъ. Имѣя въ виду вернуться на другой день, сотникъ приказалъ пѣхотѣ сложить здѣсь всѣ лишнія вещи, которыя могли стѣснять ихъ во время дальнѣйшаго движенія, и оставилъ при нихъ кавалерію, съ приказаніемъ ожидать возвращенія колонны. Предполагая проходить не болѣе сутокъ, казаки не взяли съ собою сухарей. Послѣ этой кратковременной остановки, пѣхота двинулась далѣе. Къ разсвѣту она была уже среди значительныхъ горъ, а баранты все не было видно. Вѣроятно, горцы, замѣтивъ, что русскіе начинаютъ чаще появляться въ ихъ предѣлахъ, для безопасности перевели стадо въ другое мѣсто. Сотникъ Дугинъ, не отказываясь однако отъ мысли скоро найти загонъ и

отбить его, распорядился на привалѣ такъ: 10 человекъ послалъ обратно съ приказаніемъ, чтобы кавалерія, забравъ всѣ сложенные тамъ вещи, отправилась въ Самурскую, самъ же, съ остальными казаками, тронулся дальше по высотамъ, отдѣлявшимъ Цыце отъ Пшехи, приближаясь постепенно къ этой послѣдней. Взойдя на какую-то гору, сотникъ Дугинъ продолжалъ путь по дорогѣ, ведущей вдоль широкаго, довольно ровнаго хребта. Послѣ полудня отрядъ началъ спускаться съ высоты, и здѣсь, въ первый разъ, былъ замѣченъ на полугорѣ аулъ и нѣсколько штукъ пасущагося рогатаго скота. Отряженные пластуны обошли аулъ и такъ быстро кинулись на сабли, что перепуганные горцы побѣжали во всѣ стороны, а одинъ изъ нихъ, впопыхахъ, набѣжалъ даже на команду, стоявшую съ Дугинымъ, и попался въ плѣнъ. Затѣмъ, захвативъ скотину, пластуны соединились съ прочими казаками. Пока команда Евтушенки возилась у аула, сотникъ Дугинъ отдѣлилъ человекъ двадцать для отысканія баранты; съ остальными же спустился на низкую горную площадку, недалеко отъ Пшехи, гдѣ и остановился для ночлега въ одномъ изъ разоренныхъ ауловъ. Поручивъ Евтушенкѣ разставить пикеты, сотникъ приказалъ разложить значительное число большихъ костровъ и играть зорю.

Если бы онъ предполагалъ оставаться на мѣстѣ и ожидать подкрѣпленія, то, маскируя этимъ способомъ свои силы, могъ бы держать противника въ неизвѣстности и нерѣшительности относительно наступательныхъ дѣйствій; но, находясь съ горстію людей среди непріятели, передъ которымъ приходилось на другой день обнаружить слабость своего отряда, возбуждать умышленно вниманіе горцевъ и преждевременно давать имъ свѣдѣніе о мѣстѣ ночлега казаковъ было большою неосторожностію. Перепуганные тубинцы начали собираться партіями для противодействия русскимъ, такъ внезапно появившимся среди ихъ поселеній. Между тѣмъ, отрядъ, поѣвши въ послѣдній разъ вареной говядины съ остатками хлѣба, заснулъ довольно покойно.

На другой день горцы показали, что труба, игравшая въ отрядѣ зорю, сыграла въ то же время тревогу для всей Тубы. Часа за два до разсвѣта, ловко подкравшіеся горцы дали залпъ по лагерю. По этой повѣстѣ партія нашихъ молодцовъ быстро поднялась на ноги. Едва начало разсвѣтать, какъ Евтушенко, съ 20 пластунами, уже оставилъ позицію, будучи отряженъ, для отысканія слѣдовъ безъ вѣсти пропавшихъ

20 казаковъ, отправленныхъ еще наканунѣ. (*) Затѣмъ, вскорѣ, была отдѣлена еще партія, человекъ въ 35, для конвоирования отбитой скотины, и послѣ всѣхъ выступилъ уже сотникъ Дугинъ съ остальными 35 казаками.

Безъ шума и быстро шли пластуны по хребтамъ горъ, тянующихся по правому берегу Пшехи; но крутые подъемы немного замедляли ихъ движеніе, почему партія, гнавшая скотину по лѣвому скату высотъ, шла почти наравнѣ съ партіей пластуновъ. Такъ казаки продолжали движеніе, не зная ничего о сосѣдствѣ другъ съ другомъ. Вдругъ пластунамъ послышались выстрѣлы съ лѣвой стороны. Не думая ни минуты, Евтушенко съ своими хлопцами кинулся въ ту сторону; отбѣжавъ съ полверсты по скату горы, онъ встрѣтилъ отбитую вчера скотину, оставшуюся безъ прикрытія. Дѣло объяснилось, почему партія Евтушенки продолжала спѣшить на помощь къ тому мѣсту, гдѣ раздавались выстрѣлы. Наконецъ передъ ними открылась поляна, окоймленная съ двухъ сторонъ густыми перелѣсками, изъ которыхъ непрерывно выскакивали струйки дыма. Не зная, какая изъ этихъ опушекъ занята нашими, Евтушенко, съ нѣсколькими передовыми пластунами, подбѣжалъ къ флангу перестрѣливающихся, противъ середины поляны. Горцы, замѣтивъ недоумѣніе подбѣжавшихъ казаковъ, тотчасъ выбѣжали изъ кустовъ и кинулись на передовыхъ. Казаки, узнавъ по этому непріятельскую сторону, подались было къ своей; но Евтушенко далъ выстрѣлъ по выбѣжавшимъ противъ него четыремъ горцамъ и, кликнувъ къ себѣ пластуновъ, бросился съ ними на флангъ противника. Увлеченные примѣромъ пластуновъ, прочіе казаки, до того перестрѣливавшіеся, также атаковали горцевъ съ фронта и, вытѣснивъ ихъ изъ перелѣска, погнали по полугорью вдоль теченія Пшехи. Но черезъ нѣсколько времени казаки нарвались на засаду. Выбивъ горцевъ изъ засады, разгоряченные преслѣдованіемъ, казаки опять погнали ихъ дальше, но, замѣтивъ приближающуюся помощь къ горцамъ, безпрепятственно отступили на высоту.

Едва Евтушенко взошелъ на гору, какъ сильный залпъ, раздавшійся впереди, снова позвалъ его партію на помощь. Утомленные казаки, едва не бѣгомъ, бросились на призывъ; вскорѣ однако выстрѣлы смолкли, а затѣмъ пластуны из-

(*) Казаки эти, не понятно, какимъ образомъ, въ свѣтъ поискахъ попали къ утру повѣдальника въ Самурскую станицу.

дали увидѣли грустную картину: нѣсколько горцевъ обирали какого-то раненаго казака, а въ сторонѣ лежалъ другой. Чтобы обратить вниманіе хищниковъ на приближающихся казаковъ, Евтушенко выстрѣдилъ. Горцы, замѣтивъ ихъ, дѣйствительно, разбѣжались, оставивъ на полѣ израненныхъ шашками хорунжаго Садлуцкаго и казака.

Вотъ что случилось въ продолженіе того времени, пока Евтушенко гналъ горцевъ съ горы. Сотникъ Дугинъ, проходя со своею партией, забралъ брошенную скотину и двинулся дальше, не придавая большаго значенія завязавшейся перестрѣлкѣ; пройдя по хребту версты четыре впередъ, онъ остановился какъ для отдыха, такъ и для того, чтобы выждать присоединеніе къ нему остальныхъ казаковъ. Позиція, занятая этою партией, была ограничена съ правой стороны ровнымъ и почти безлѣснымъ скатомъ, а съ лѣвой скатомъ, заваленнымъ грудями валежника.

Горцы, пристально слѣдившіе снизу за маленькою партией Дугина, замѣтили мѣсто расположенія ея на привалѣ и рѣшились воспользоваться этимъ временемъ, чтобы попытаться сдѣлать нападеніе. Толпа, болѣе семидесяти человекъ, тихо подкралась къ подошвѣ горы, маскируясь густымъ кустарникомъ, и еще тише начала подползать къ позиціи, скрываясь за валежникомъ. Наконецъ ползти дальше было опасно: до позиціи оставалось не болѣе пятидесяти шаговъ. Горцы приостановились на минуту, сомкнулись въ болѣе плотную массу и затѣмъ, съ гикомъ и съ шашками въ зубахъ, выскочили изъ засады, дали залпъ и кинулись въ рукопашную на отдыхавшихъ казаковъ. Погибла кровь казачья. Минуть черезъ десять партиі Дугина не существовало: часть была изрублена въ неравномъ бою, другая захвачена въ плѣнъ; спаслись только пикетные по правой сторонѣ горы, да горецъ, взятый изъ Самурской, которые и вернулись въ станицу. Про горца же, взятаго въ плѣнъ и который обѣщался показать, гдѣ находится баранта, говорятъ, что онъ былъ убитъ во время схватки самимъ Дугинимъ, будучи заподозрѣнъ въ умышленномъ наведеніи отряда на собравшіяся кругомъ партиі. Про Дугина рассказывали, что онъ, увидѣвъ невозможность предпринять что-либо для отпора, кинулся въ разрѣзъ непріятельской партиі къ тому мѣсту, гдѣ слышалъ прежде перестрѣлку казаковъ, но побѣждалъ не по верху горы, по которой пласту-

ны свѣспили къ нему на выручку, а по полугорью. Кто знаетъ, можетъ быть, онъ еще невредимымъ разминулся съ казаками. На это-то роковое мѣсто прибыли теперь пластуны, отбивъ раненаго Садлуцаго, о чемъ упомянуто выше. Хорунжій уже не могъ принять начальство надъ отрядомъ, потому что безпрестанно лишался чувствъ отъ множества ранъ, нанесенныхъ шашками.

Послѣ потери офицеровъ, общее желаніе выйти изъ опасности заставило казаковъ не спорить о правахъ, а рѣшиться вручить судьбу свою тому, кто былъ, по ихъ мнѣнію, болѣе способенъ въ критическую минуту выручить ихъ изъ бѣды; повѣтому, не смотря на то, что въ оставшейся командѣ были урядники, выборъ палъ на молодаго казака Евтушенку, отлично знакомаго съ мѣстностію и уже испытаннаго въ бояхъ съ горцами.

Оставшись за начальника, Евтушенко рѣшился измѣнить выбранный Дугинимъ путь отступленія, потому что съ высоты ясно были видны движенія нѣсколькихъ партій, готовыхъ перегородить имъ путь. Вслѣдствіе этого, подобравъ раненыхъ, онъ повернулъ къ рѣкѣ Цыце по тропинкѣ, держась на высокую гору, чрезъ которую слѣдовало перевалить, чтобы попасть въ ущелье рѣки.

Было уже поздно, когда слишкомъ пятьдесятъ молодцовъ тронулись въ путь. Пройдя версты четыре, они начали спускаться къ подошвѣ издали выбранной горы; но, идя все время лѣсомъ, начали замѣчать, что по бокамъ ихъ и сзади стали мелькать въ прогалинахъ лѣса большія толпы горцевъ. Казаки прибавили шагъ, торопясь скорѣе занять тропинку, ведущую черезъ гору; однако исполнить это было трудно: изнуренные непрерывнымъ движеніемъ и перестрѣлками, они уступали свѣжей силѣ вновь прибывшихъ горцевъ. Окружавшій ихъ непріятель продолжалъ сопутствовать. Дойдя до подошвы горы, Евтушенко отдѣлилъ трехъ казаковъ и приказалъ имъ, какъ можно поспѣвшиѣ, взбѣжать по тропинкѣ на гору и по ней дойти до Самурской станицы, чтобы дать знать о плохомъ положеніи пластуновъ. Назначенные казаки бѣгомъ обогнали товарищей, но, не доходя до того мѣста, гдѣ тропинка подымалась на гору, встрѣчены были залпомъ изъ только-что устроеннаго горцами завала. Пластунъ Чесно-

ковъ упалъ на мѣстѣ между каменьями (*), а раненый и другой невредимый вернулись къ партіи. Чистый словый лѣсъ позволялъ видѣть, какъ горцы начинали приближаться къ окруженнымъ съ четырехъ сторонъ казакамъ. Закипѣла перестрѣлка. Казаки почти не отвѣчали и не останавливаясь шли впередъ; но менѣе усталые горцы нагоняли ихъ быстро. Уже раненый хорунжій былъ захваченъ горцами вмѣстѣ съ носильщиками, уже горцы начали путаться съ хвостомъ партіи казаконъ, уже четыре горца готовы были схватить Евтушенку, за которымъ они слѣдили съ самаго утра (**), но въ это время Евтушенко обернулся, свалилъ выстрѣломъ одного изъ четырехъ и приказалъ казакамъ остановиться. Молодцы, въ эту критическую минуту, послушались приказанія: стали, сплотнились и частыми выстрѣлами заставили сильнѣйшаго врага отойти на почтительное разстояніе. Остановившись, казаки спасли себя отъ бѣгства, а стало быть и отъ истребленія. Здѣсь появились первые раненые. Живая перестрѣлка шла до вечера; только темнота заставила горцевъ отойти, оцѣпивъ предварительно казаконъ съ трехъ сторонъ пикетами. Вскорѣ на непріятельскомъ бивуакѣ, вдали, запылали костры.

Евтушенко видѣлъ теперь ясно что предстояло на слѣдующій день. Отступать было некуда: единственная дорога черезъ гору была завалена и обороняема, а ждать на этомъ мѣстѣ утра значило вести цѣлый день бой безъ малѣйшей надежды на спасеніе. Чтобы избавиться отъ столь безвыходнаго положенія, оставалось поискать лучшей позиціи, которая могла бы дать хотя малѣйшую надежду на успѣшную оборону. Евтушенко, взявъ съ собою нѣсколько казаконъ, отправился къ горѣ искать мѣста, удобнаго для упорной обороны. Счастіе не совсѣмъ еще отвернулось отъ попавшихся въ ловушку казаконъ: послѣ кратковременнаго поиска, была открыта позиція, лучше которой, въ такомъ положеніи, трудно было даже желать. Значительно правѣе той дорожки, по которой пластуны хотѣли было пройти въ станицу, крутой скатъ горы

(*) Чесноковъ былъ невредимъ, а выкинулъ эту пластунскую штуку, чтобы пробраться въ Самурскую.

(**) Тубинскій старшина Амчуковъ, находившійся впоследствии въ нашемъ отрядѣ во время дѣйствій его въ Хакучахъ, былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей противъ казаконъ. Онъ говорилъ, между прочимъ, что горцы хорошо замѣтили Евтушенку еще утромъ, когда онъ ходилъ все время по линіи перестрѣливавшихся казаконъ, упрямивъ берець патроны.

образовалъ уступъ въ видѣ горизонтальной площадки шаговъ въ двѣнадцать ширины и шаговъ около пятидесяти длинны; надъ ней, въ видѣ нальсы, была наклонена верхняя часть каменной горы. Позиція эта, удобная для помѣщенія 50 человекъ, давала всѣ средства для долговременной упорной обороны, потому что ее нужно было брать эскаладай.

Обрадовавшись своей находкѣ, Ештушенко посигналилъ сообщитъ своимъ товарищамъ и предложить имъ перейти туда. Казаки и сами видѣли, что недолго приходилось бы имъ защищаться на позиціи, занятой съ вечера, почему тотчасъ же, безъ малѣйшаго шума, могущаго возбудить вниманіе непріятельскихъ пикетовъ, перенесли на новую позицію раненыхъ и перешли сами. Такъ какъ атака противъ избранной позиціи возможна была только съ фронта, то, чтобы, поражая атакующаго въ упоръ, самимъ не подвергаться той же участи, Ештушенко предложилъ пластунамъ начать постройку по окраинѣ стѣнки изъ валяющагося камня. Работа началась тотчасъ же и длилась, не смотря на усталость казаковъ, до утра; но стѣнка была возведена не выше двухъ футовъ (нѣсколько менѣе аршина) и могла только прикрыть раненыхъ, не обезпечивая стрѣляющихъ казаковъ, даже тѣхъ, которые становились на колѣни. Поэтому Ештушенко расположилъ пластуновъ для ожидаемой обороны слѣдующимъ образомъ: самъ съ десятью человекъ, выйдя изъ-за стѣнки, занялъ пространство вправо отъ нея, а назначенный имъ пластунъ Ушаковъ, съ семью человекъ, занялъ лѣвую сторону площадки; остальные же остались за стѣнкою.

Едва забрежжилъ свѣтъ, какъ противъ того мѣста, гдѣ вечеромъ находились казаки, начали собираться горцы въ огромномъ количествѣ (*). Вслѣдъ затѣмъ горцы съ гикомъ повнеслись въ атаку; но казаковъ тамъ уже не было. Озадаченные горцы притихли навремя. Сжались сердца у храбрыхъ пластуновъ, которые, прислонясь къ скалѣ у задней стороны площадки, приготовились стрѣлять въ упоръ, если противникъ будетъ появляться на площадкѣ. Въ такомъ положеніи они ждали своей участи. Еще разъ гдѣс огласился дикимъ крикомъ, а у казаковъ, среди гробоваго молчанія, защелкали взводимые курки. Вотъ уже крики раздались подъ горою. Еще

(* По словамъ старшины Амчукова, къ утру было въ сборѣ болѣе тѣмъ казануи; число горцевъ простиралось до 400 человекъ.

минула ожиданія... и десятка выстрѣловъ загремѣли противъ пластуновъ, принесла къ жертву нѣсколько храбренькихъ. Но и ошѣты храбренькихъ были тоже не плохи: ни одному изъ атамановъ горцевъ не пришлось стать ногою на площадку: нѣсколько ошѣтъ атамановъ: одна за другою слетѣла внизъ; между ними было много раненныхъ и убитыхъ. Раздался еще одинъ залпъ... и Ештушенко повалился, раненный вдоль лопатки...

— Братцы, Ештушенко раненъ! крикнули казаки.

— Ничего, сказалъ Ештушенко, оправившись отъ боли.— Если не могу стрѣлять, то могу еще зарядить ружья (*), и ошѣ тотчасъ же началъ дѣйствительно примѣнять сказанное на дѣлу, помогая тремъ стрѣлкамъ, оставшимся невредимыми изъ десяти его товарищей по лѣвому флангу площадки.

Недолго продолжались дорожно-стопанія для штурматора атаки: скоро горцы начали подраиваться на нѣсколькихъ человекъ, за что однако платили танъ недешево. Взлѣзть на эту гору безъ помощи рукъ было невозможно, а потому каждый долженъ былъ показываться постепенно. При появленіи еще края напакъ, винтовки казаковъ уже выжидали болышей цѣли, и едва показывалась голова любонитнаго, желавшаго осмотрѣть казачью полевую квартиру, раздавался выстрѣлъ, и горецъ тотчасъ падалъ внизъ безъ способности передать то, что видѣлъ. Наконецъ и игра въ любопытныя, должно быть, показывалась горцамъ тоже не совсѣмъ занимательною. Горцы прибѣгли къ другому, менѣе опасному, хотя и менѣе вѣрному средству наносить вредъ пластунамъ: подравшись къ какому-нибудь камню, они черезъ верхъ его высовывали ружья и стрѣляли „на авось“, не показывая головы. Не помогла и эта воинная хитрость. Тогда, недоумѣвая, какъ нанести вредъ казачьямъ, часть горцевъ влѣзла на гору и хотя хорошо знали, что казаки закрыты навѣсомъ скалы, все-таки начали бросать сверху камни, которые падали или передъ стѣною, или катились подъ гору. Крепко сидѣли казаки; въ этотъ день не одоумѣла къ сила!

Поздно вечеромъ горцы ошѣ отступили, обтаививъ ошѣ пушечками. Такъ прошелъ вторникъ 18-го февраля.

(*) Большинство пластуновъ говорятъ постоянно по-малоросійски; самъ Ештушенко, говорящій недурно по-русски, часто свертываетъ родное словцо. А такъ какъ я не владю этимъ языкомъ, то предпочелъ передавать слышанное на малоросійскомъ языкѣ по-русски.

Воспользовавшись набросанными горцами камнями, казаки съ испосланнымъ бодростію духа принялись опять за возведеніе и продолженіе стѣнки: цѣлую ночь они складывали ее, копали кирками землю внутри своего укрѣпленія и обсыпали ею наружность стѣнки. Къ утру стѣнка была готова; казаки убрались во внутрь своей позиціи и взялись за ружья.

Эта импровизованная фортификаціонная постройка имѣла дугообразную фигуру, загнутые фланги которой упирались въ скалу. Внутри скалы, позиція, въ самомъ широкомъ мѣстѣ, имѣла около восьми шаговъ, а вдоль площади шаговъ до двадцати-пяти. Къ утру стѣнка была доведена до такой высоты, что, согнувшись немного, можно было скрываться за нею стѣн. Амбразуры были сдѣланы низко, и сивозъ нихъ можно было стрѣлять, стоя на козлышкахъ; нѣкоторые казаки устроили себѣ новыя, изъ положенныхъ на верху стѣнки большихъ камней, противъ промежутокъ нижнихъ амбразуръ.

Утромъ, въ среду 19-го февраля, пѣстуны приготовились къ новому отпору, при чемъ раненые взялись заряжать ружья. Казаки недолго ждали гостей: снова закипѣла атака, и снова, прикрытые теперь отъ пуль, храбрецы жестоко наказали непріятели за новую попытку, не понеся сами никакой потери. Послѣ этого горцы не возобновляли штурма. Вѣроятно, они не ожидали видѣть своихъ противниковъ такъ хорошо скрытыми. Въ этотъ день былъ испробованъ новый способъ поражать казаковъ: нѣкоторые горцы умасчивались вдали на той части ската горы, откуда была видна площадь, и стрѣляли оттуда; но пули ихъ или не долетали, или на излетѣ не причиняли вреда. Впрочемъ, одинъ изъ случаевъ нѣсколько измѣнилъ положеніе дѣла: послѣ небольшого нападенія, казаки услышали обращенное къ нимъ предложеніе:

— Сдайтесь, казаки! Мы знаемъ, что у васъ нѣтъ хлѣба; все равно, помрете голодною смертію. Мы не будемъ убивать васъ, а продадимъ. Сдайтесь, казаки! (*)

Конечно, парламентаръ не получилъ отвѣта и удалился ни съ чѣмъ; но слова эти произвели на казаковъ сильное впечатлѣніе. Они уже начинали чувствовать томленіе голода, и голодная смерть стала имъ представляться дѣломъ очень возможнымъ: уже третья сутки они не знали, чѣмъ утолить

(*) Слова эти были переведены однимъ изъ раненыхъ казаковъ, который зналъ ихъ языкъ.

хотя немного свой голодъ. Три дня и двѣ ночи, проведенные въ трудахъ, безъ сна, при сильныхъ душевныхъ волненіяхъ, безъ возможности согрѣться въ самую сырую погоду, еще болѣе усильили страданія отъ голода. Ослабѣвая тѣломъ, пластуны незамѣтно начинали утрачивать бодрость духа. Если бы горцы продолжали развлекать ихъ своими нападеніями, можетъ быть, они, за недостаткомъ времени сообщать свои мысли, таили бы свои страданія, забывая ихъ въ бояхъ; но теперь горцы оставили казаковъ въ покоѣ, думая блокадой достигнуть своей цѣли. Свободнаго времени стало много, и первый обмѣлъ впечатлѣній выразился въ жалобахъ на мучительный голодъ; а тутъ, какъ на зло, подошелъ и горецъ съ своимъ предложеніемъ, который какъ будто подсказывалъ, что имъ остается дѣлать при безвыходномъ положеніи.

— А что, Николай Матвѣевичъ, вѣдь и взаправду придется къ нимъ выйти. Вотъ ужъ третій день какъ въ атаковѣ (*), а нѣтъ помощи ни откуда, говорили нѣкоторые казаки.

— Потерпите еще маленько—сказалъ Евтушенко—вѣдь навѣрно кто-нибудь да спасся изъ казаковъ, которые были при сотникѣ; не сегодня, такъ завтра должна прійти выручка.

— Да мы и сами можемъ уйти въ Самурскую. Татарское войско куда-то разошлось, а бекеты по ночамъ остаются малые, да и стоятъ рѣдко. Уйдемъ, Николай Матвѣичъ!

— Оно пожалуй—отвѣчалъ Евтушенко—да раненыхъ какъ мы возьмемъ? Вѣдь ихъ пятнадцать человекъ, идти съ ними скоро нельзя будетъ; въ случаѣ нападутъ, некому будетъ и отбиваться, а безъ нихъ я не пойду! Потерпимъ, братцы: Богъ не оставитъ насъ! Вотъ увидите, сегодня или завтра придетъ выручка.

Обманывая другихъ, Евтушенко обманывалъ и себя въ безнадежномъ положеніи. Однако часть его догадокъ была справедлива.

Упавшій отъ залпа изъ завала пластунъ Чесноковъ былъ невредимъ и, пролежавъ между камнями до ночи, пробрался-таки въ Самурскую станицу и немедленно сообщилъ воинскому начальнику объ опасномъ положеніи своихъ товарищей. 18-го февраля (во вторникъ) орудійные выстрѣлы передали тревогу по всей линіи, и кромѣ того было послано извѣстіе объ этомъ происшествіи къ начальнику ниже-пшехскаго

(*) Свое блокадное положеніе казаки называютъ „атаковкой“.

участка. Закинули войска по кордонамъ: по первому призыву, въ Самурскую станицу прискакали изъ Дагестанской и Нижегородской станицъ полусотни Хоперскаго и № 26-го полковъ, которыя и были направлены, вмѣстѣ съ двумя ротами Елисаветпольскаго пѣхотнаго полка, вверхъ по Пшехѣ. Подполковникъ Умаровъ, передавъ извѣстiе по курджипской кордонной линiи, самъ, съ двумя эскадронами, поспѣшилъ въ Самурскую, гдѣ соединился съ подполковникомъ Пистолькорсомъ, прибывшимъ изъ Аниперонской станицы съ сборною сотнею, и вмѣстѣ съ нимъ двинулся вверхъ по Пшехѣ. Черезъ нѣсколько времени прибылъ въ Самурскую станицу, съ тремя эскадронами драгунъ и мѣстною полусотнею № 26-го полка, за отсутствiемъ полковника Амилахварова, исправляющiй должность кордоннаго начальника, командиръ Елисаветпольскаго пѣхотнаго полка.

Описываемое происшествiе замѣчательно еще тѣмъ, что оно можетъ служить примѣромъ тревоги громаднхъ размѣровъ: вся пшехская, курджипская и даже бѣлорѣченская кордонныя линiи приняли въ ней участiе; а о поспѣшности сборовъ можно судить по дальнѣйшему разсказу.

Первая колонна, изъ двухъ ротъ пѣхоты и сотни казаковъ, съ полною рѣшительностию хотѣла вторгнуться въ Тубу, куда можно было попасть, пройдя, отъ Маратуковскаго поста, узкое ущелье Пшехи; но лишь только войска показались туда, какъ съ занятыхъ противникомъ обонхъ береговъ и изъ лѣвостой лощины посыпались на нихъ пули и каменья. Колонна остановилась: дальше идти было нельзя; однако, не отступая назадъ, войска простояли всю ночь, поджидая подкрѣпленiя.

Съ разсвѣтомъ 19-го числа (въ среду) прибыла вторая колонна. По приказанiю подполковника Пистолькорса, одною ротою и прибывшею наканунѣ одною сотнею, занятъ былъ скалистый лѣвый берегъ Пшехи; но дальше все-таки идти не было возможности: противникъ былъ сиденъ и занималъ весьма выгодныя позиции.

Такъ прошла и среда, а выручка къ казакамъ не являлась. Тило миновалась ночь, въ которую казаки могли первый разъ отдыхать по очереди. Вдали, попрежнему, мелькали огоньки неприятельскихъ пикетовъ, а отряда не было видно. Легко было выйти здоровымъ казакамъ, но оставить раненыхъ Евтушенко

считалъ преступленіемъ такимъ, что не хотѣлъ объ этомъ и слышать. Насталъ четвергъ 20-го января, вмѣстѣ съ нимъ и четвертымъ голодными сутки. Совершенно покойно прѣшло утро. Горцевъ, кромѣ стоящихъ на пиветахъ, не было видно; за то сырость и холодъ пробирали казаковъ, начавшихъ уже кихнуть отъ голода. Эти пытки ослабили духъ ихъ.

— Уйдемъ — говорили нѣкоторые казаки — вѣдь все равно пропадать.

— А раненые же какъ? возражалъ Евтушенко.

— Пусть кто здумаетъ, идетъ за нами; а объ остальныхъ будемъ Богу молиться: можетъ, Онъ ихъ спасетъ.

— Нѣтъ, братцы, ихъ горцы убьютъ непременно. Что имъ дѣлать съ больными? По моему, коли спасаться, такъ спасаться всѣмъ, а гибнуть, такъ гибнуть вмѣстѣ! Не пойду я безъ раненыхъ, стоялъ на своемъ Евтушенко.

— Да ужь, Николай Матвѣичъ, насъ, видно, никто не выручить.

— Пообождемъ еще сегодня: выручка должна подойти скоро, утѣшалъ онъ.

Безнадежность, видно, стала брать верхъ: говорящихъ въ пользу выхода явилось больше.

— Да что, братцы! Что Богъ дастъ, то и будетъ! отозвался вдругъ завязанный малороссъ Кубановъ, съ прострѣленною рукою. — Попытаю я счастья. Дайте мнѣ ружье и молитесь Богу!... Какъ дойду до своихъ, спасу васъ скоро.

Эти слова послужили истиннымъ утѣшеніемъ: какъ ни было худо состояніе несчастныхъ, но мелькнувшій лучъ надежды на избавленіе сдѣлалъ ихъ способными съ новымъ мужествомъ переносить голодъ. Всѣ съ радостію приняли это предложеніе и рѣшили, чтобы Кубановъ выступилъ въ путь какъ только настанетъ темнота.

Пошли опять разговоры: одинъ совѣтовалъ ему „что сказать“, когда онъ увидитъ начальство; другой рассказывалъ, „какъ лучше“ миновать опасность, и, благодаря этому обстоятельству, пластуны дожили до вечера, не раздирая сердца жалобами.

— А вотъ что — сказалъ Кубанову Евтушенко — если на тебя нападуть и тебѣ придется погибнуть, выстрѣли хоть изъ ружья, чтобы мы знали, что ты не дозволя.

— Николай Матвѣичъ, зачѣмъ же вы даете мнѣ прострѣ-

ленное ружье? заговорилъ Кубановъ, принявъ его отъ Евтушенки.

— А на что тебѣ хорошее? Если зажитья небо, такъ какой какое хочешь ружье, все-таки навѣрное промажешь, а если пройдешь такъ, что не увидать, то перебереешься и съ дурнымъ ружьемъ.

— Ну, давай, своейно произнесъ Кубановъ.

— А вотъ еще что: когда будешь изъ намъ вести вѣсти — продолжалъ Евтушенко — такъ держись на этотъ шаханъ; если же не найдешь той стороны, гдѣ имъ сидимъ, такъ свои: пусть они съдѣлаютъ сначала три выстрѣла одинъ за другимъ, потомъ немного пообождутъ и снова дадутъ такія же три выстрѣла.

— Хорошо, отвѣчалъ Кубановъ.

— Потомъ попроси, чтобы притихли и слушали, какъ ты въ отвѣтъ тоже выстрѣлишь три раза. Ну, теперь ступай, съ Богомъ!.. Ужь начинается темнѣть, сказалъ Евтушенко, пощипавшись съ Кубановымъ. — Да не забудь же, въ случаѣ Бога не дастъ тебѣ счастья, выстрѣли.

— Выстрѣлю! отвѣтилъ Кубановъ.

Попредавшись съ товарищами, Кубановъ отправился въ опасный путь.

На дорогѣ изъ Майкопа, полковникъ князь Амилахваровъ получилъ свѣдѣнiе о случившемся. Обстоятельство это принудило его обратиться съ просьбою о содѣйствiи ему въ предстоящемъ предпрiятiи къ начальнику Флорѣнченской кордонной линiи, полковнику Маларову, и отовзавъ изъ Майкопа 4-й взводъ Нижегородскаго драгунскаго полка; самъ же онъ поѣхалъ далѣе. Въ Прусской станицѣ князь Амилахваровъ получилъ новое свѣдѣнiе, что горны сильно заняли входъ въ ущелье и не пропускаютъ войска; влѣдствiе этого онъ рѣшился двинуть туда всѣ войска, какія только помядутся подъ руку; такъ онъ приказалъ немедленно выступить въ Самурскую часть Астраханской сотни, первому взводу драгунъ, сотнѣ Черноморскаго казачьяго войска и ротѣ Елисаветпольскаго шхотнаго полка. Къ полуночи, съ середины на четвергъ, вѣнеченскими войска ступили въ Самурскую станицу, идѣ, дажь къ отдылѣ, князь Амилахваровъ повелъ ихъ далѣе. Сласти несчастныхъ сына главнаго задѣла отряда, а потому ни развѣшався рѣка, ни темнота ночи, ни усталость войскъ и личное

утомленіе начальника не соблазнили остаться отдохнуть до другого дня. Часамъ къ десяти утра князь Амилахваровъ прибылъ къ ущелью, гдѣ засталъ прежнія двѣ колонны расположенными бивуакомъ.

Какъ ни спрашивали охотниковъ, вышедшихъ изъ команды сотника Дугина, но не вывели положительно ничего изъ ихъ разнорѣчивыхъ показаній о мѣстѣ нахождения пластуновъ. Эта неизвестность была непреодолимымъ препятствіемъ. Куда направить войска? гдѣ искать погибавшихъ? А нужно было начать поиски во что бы то ни стало, хотя пришлось бы ихъ сдѣлать только для очищенія совѣсти, потому что всѣ были, по какой-то причинѣ, проникнуты однимъ убѣжденіемъ, что пластуновъ, которыхъ они шли спасать, больше нѣтъ на свѣтѣ, что несоизмѣрно превосходный непріятель или голодъ сдѣлали свое дѣло. Но, чтобы выполнить свой долгъ, полковникъ Амилахваровъ, занявъ входъ въ ущелье одною ротою и сотнею казаковъ, оставленными по правой сторонѣ рѣки, а другую роту расположивъ на высотѣ лѣваго берега, двинулся съ остальными войсками впередъ. Пройдя нѣкоторое разстояніе по полугорью праваго берега, гдѣ пролегалъ путь, онъ для связи оставилъ еще эскадронъ драгунъ и двѣ сотни казаковъ. Но на шестой верстѣ полковникъ повернулъ колонну назадъ, потому что, по единогласному показанію выбѣжавшихъ, до того мѣста, гдѣ находились пластуны, было еще далеко; между тѣмъ, для безопаснаго движенія впередъ по весьма пересѣченнымъ мѣстностямъ нужно было вновь отдѣлать команды и, слѣдовательно, еще болѣе ослаблять колонну; оставлять же подобныя мѣста незанятыми значило допускать возможность незначительной партіи горцевъ переградить намъ путь отступленія, что въ особености было опасно по причинѣ приближавшейся ночи, которая могла застать отрядъ въ какомъ-нибудь опасномъ мѣстѣ. Всякая изъ неблагопріятныхъ случайностей съ нашими войсками могла бы принести несравненно худшіе результаты по той причинѣ, что взятые на тревогу сукари уже были израсходованы.

Расположившись на прежней позиціи, кавалерія встрѣтила прибывшіе туда: роту Елисаветпольскаго пѣхотнаго полка, четыре эскадрона драгунъ и двѣ сотни № 13-го полка Кубанскаго казачьяго войска. Въ это время, неизвестно откуда, распространилось между войсками новое извѣстіе, что партія пластуновъ вся погибла и что осталось только 10 человекъ. Эта новость

сильно ободрила войска, начавшія уже голодать: до сихъ поръ они считали предпріятіе безплоднымъ отыскиваніемъ мертвыхъ казаковъ; но теперь, узнавъ, что живы еще хотя 10 чело-вѣкъ, всѣ охотно рѣшались идти для спасенія несчастныхъ и къ утру готовились опять къ болѣе энергическому поиску. Такъ неблагопріятно кончился четвергъ.

Богъ знаетъ, каковъ былъ бы результатъ нашихъ поисковъ, если бы счастливый случай не вывелъ насъ изъ затрудненія: уже начинало разсвѣтать и полковникъ князь Амилахваровъ дѣлалъ распоряженія къ выступленію отряда, какъ привели къ нему мокраго, грязнаго, оборваннаго, испачканнаго кровью казака: это былъ Кубановъ. Тутъ узнали войска, что пластуны безъ налага всѣ живы и находятся въ странномъ положеніи. Трудно описать энтузіазмъ войскъ при этомъ извѣстіи: чувство братства заговорило въ каждомъ; всѣ рвались скорѣе спасти ихъ, забывъ про свой голодъ.

Тяжела была дорога: приходилось очень часто прорубать просѣку по глухимъ лѣсамъ и карабкаться по крутизнамъ. Пройдя верстъ восемь отъ пшехскихъ воротъ, кавалерія вышла на поляну и, здѣсь сомкнувшись, тронулась дальше. Тутъ казакъ Кубановъ сообщилъ, что отъ этихъ мѣстъ пластуны находятся недалеко и что мѣста эти неудобнопроходимы для массы войскъ. Дѣйствительно, мѣстность была недоступна для движенія кавалеріи, а потому, пройдя отъ рѣки верстъ пять, колонна остановилась, при чемъ было рѣшено избрать охотниковъ для продолженія движенія пѣшими; къ этому же времени прибыла еще сотня изъ Пшехской станицы. Много вызвалось охотниковъ какъ изъ числа драгунъ, казаковъ, такъ и изъ оенцеровъ. Поручивъ эту команду подполковнику Умарову, полковникъ Амилахваровъ, съ остальными войсками, остался въ резервѣ.

Углубившись далѣе въ тущобу, охотники, по предложенію Кубанова, остановились и подали условный сигналъ.

Тихе было на позиціи казаковъ. Нетревожно прошла для нихъ ночь съ четверга на пятницу: часть, бодрствовавшая съ заряженными ружьями, хранила сонъ своихъ товарищей. Неприятеля, по прежнему, не было видно, и такъ же, какъ вчера, маленькіе костры, далеко отогрѣвшіе другъ отъ друга, опредѣляли положеніе непріятельскихъ шквентовъ. Туманъ и снѣгъ съ дождемъ продолжались по прежнему. Навѣсь, спасающій пла-

стуновъ отъ каменевъ, не предохранялъ ихъ отъ дождя. Опять настало утро, принесъ съ собой большія страданія; но теперь, опухшіе отъ голода и страданій, казаки думали только о Кубановъ. Первый крестъ утренней молитвы былъ за благополучное окончаніе Кубановымъ предпріятія; первыя слова были: „гдѣ теперь Кубановъ? прошель ли онъ благополучно?“ Успѣшность экспедиціи Кубанова была для нихъ вопросомъ о жизни и смерти. Условнаго выстрѣла они не слышали.

Въ полузабытій сидѣли немощевые казаки, нѣрѣдка передвигаясь словами; проблескъ надежды на спасеніе кое-какъ поддерживалъ ихъ. Уже было далеко за полдень, а ничего не было слышно. Немощеніе доходило до крайнихъ размѣровъ; среди глубокой тишины раздавались только стоны раненыхъ, и всѣхъ давило какое-то мучительное чувство. Но вдругъ казаки подняли головы: имъ почудился отдаленный выстрѣлъ... Вотъ другой... вотъ третій... Не перевода духа прислушивались казаки къ сигнальнымъ выстрѣламъ. Черезъ нѣсколько времени послышалось еще три выстрѣла.

— Наши! крикнула радостно казаки, слышая панахи и крестись.

— Наши! .. И курки были быстро взведены.

— Стой! не всѣ вдругъ! крикнулъ Евтушенко.

И три призывныхъ выстрѣла раздались изъ засады. Потомъ все притихло.

Съ улыбкою посматривали другъ на друга казаки, какъ будто взаимно поздравляя товарищей со спасеніемъ отъ жестокой смерти; даже раненые притихли; всѣ ждали дорогихъ гостей. Но вотъ почудился имъ отдаленный шумъ, который неотеплю приближался. Наконецъ, у подножія горы, они ясно услышали русскій говоръ. Но слишкомъ обремененные казаки стали опять недовѣрчивы: имъ показалось вдругъ, что горцы, которымъ не удалось съ ними ничего сдѣлать, употребляютъ хитрость, чтобы скорѣе прокончить дѣло. Евтушенко первый выразилъ сомнѣніе; опасаясь за взвѣрившихся ему товарищей.

— Чего добраго! отвѣчали ему многіе, и снова начали прислушиваться, притянувъ дыханіе.

— Живы ли вы? раздался незнакомый голосъ снизу.

— Слава Богу! Хотя есть убитые и раненые, но оставшіе живы, отвѣчалъ Евтушенко.

— Мы пришли васъ спасти, раздалось опять снизу.

— Не вѣрять, что вы наши. Сыграй въ трубу, отвѣчалъ недовѣрчивый Евтушенко.

Раздался сигналъ.

— Нѣтъ! крикнулъ Евтушенко, вспомнивъ вдругъ, что при гибели партии Дургина была отбита горцами и труба. — Скажите сначала, кто у васъ начальникъ?

— Полковникъ Амиллахваровъ, отвѣчали ему.

— А кого знаете изъ нашихъ? продолжалъ допытываться недовѣрчивый малороссъ.

— Ты Евтушенко и теперь за старшего.

Долго продолжались разные допросы для разъясненія истины, какъ вдругъ знакомый голосъ Кубанова раскрылъ все. Находясь сзади охотниковъ, онъ пробрался впередъ и, услышавъ сомнѣнныя осторожныя своихъ товарищей, крикнулъ:

— Я, братцы, Кубановъ, котораго вы послали, и привелъ теперь выручку.

— Вѣрять! крикнулъ восторженно Евтушенко.

Вслушиваясь въ эти переговоры, казаки съ нетерпѣнiемъ ждали конца и, по слову Евтушенко „вѣрять“, вскочили и начали разламывать стѣну, чтобы удобнѣе было выносить раненыхъ.

— Сходите же! раздалось снова снизу.

— Нѣтъ! Вы подымайтесь къ намъ! У насъ есть убитые и раненые, и мы сами все слабы, сказалъ Евтушенко.

Внизу снова притихло. Сообщенное Кубановымъ свидѣнiе, что горцы иногда выдаютъ сверху каменя, заставило войска быть осторожными.

Все вышли. Мракъ не позволялъ отыскать своихъ, и, чуть зорька, спасители и спасенные были уже въ виду отряда.

Радостное чувство человека, нашедшаго своего брата, гордость при видѣ своихъ ближнихъ, доставившихъ славу войнѣ, благороднѣе къ мужеству, неподдавшемуся мученiямъ, наконецъ сладкое чувство признанiя добраго дѣла — выручить изъ бѣды погибающихъ, все это выветъ отразилось въ думѣ каждаго изъ свидѣтелей, прибывшихъ для спасенiя героевъ.

Завѣдѣвъ ихъ, вмгъ обнажились головы всѣхъ, и самые восторженныя крики; долго не умолкая, разговаривая по окрестнымъ горамъ. Вѣсело кинулись къ нимъ все, безъ различiя чиновъ, закидывая отрывочными вопросами. У кого что было съѣденаго — все отдавали пластунамъ. 49 невредимыхъ каза-

ковь, подерѣвившись пищею послѣ долгаго глотанья одного сибѣга, стали немного бодрѣе, а 15 едва живыхъ, раненыхъ, переданные младшему доктору Нижегородскаго драгунскаго полка Макаревичу, были такъ тщательно перевязаны, что въ самое короткое время почувствовали облегченіе.

Къ этому времени прибылъ полковникъ Макаровъ съ 4-ми сотнями казаковъ 8-й бригады, снабженными провіантомъ, который и былъ раздѣленъ между всѣми войсками. Итакъ, несмотря на то, что тревога эта обхватила пространство верстъ на сто въ длину и, кромѣ того, окрестныя ущелья, все-таки въ трое сутокъ войска были въ Тубѣ.

Можетъ быть, иному покажется, что сборъ войскъ по тревогѣ былъ немного мѣшкотень. Но вѣдь на тревогу войска обязаны являться только съ ближайшихъ кордонныхъ пунктовъ, что и было исполнено. Въ тотъ же вечеръ, т. е. 18-го числа (во вторникъ), войска находились при входѣ въ Тубинское ущелье, а ближайшая помощь къ нимъ явилась съ разсвѣтомъ другаго дня; но такъ какъ тревога выходила изъ ряда обыкновенныхъ тревогъ, то посланы были въ отдаленные пункты извѣстія объ ней съ просьбою о помощи. Провѣзды нарочныхъ и сборы войскъ, раскинутыхъ по кордонамъ, заняли тоже нѣкоторое время. Съ четверга войска начали являться уже съ низовой ущелій, а въ пятницу прибыли сотни изъ бѣлорѣченской кордонной линіи, пройдя болѣе девяноста верстъ по самой отвратительной дорогѣ, черезъ глубокіе броды.

Рано еще было, когда порученная есаулу Олейникову колонна двинулась въ горы для осмотра окрестностей скалы, гдѣ были казаки, съ цѣлю подобрать тѣла убитыхъ. Черезъ нѣсколько времени она вернулась, не отыскавъ погибшихъ. Съ прибытіемъ ея, всѣ тронулись съ позиціи тремя колоннами. Первая, принявъ раненыхъ, отправилась къ выходу изъ Тубинскаго ущелья и состояла изъ двухъ сотенъ казаковъ. Вторая, изъ трехъ сотенъ казаковъ, была отправлена въ горы, для отысканія тѣлъ убитыхъ казаковъ. Поиски ея увѣчались успѣхомъ: найдено было четыре трупа. Третья двинулась вверхъ по Пшехѣ, какъ для отысканія тѣлъ погибшихъ съ Дугиницкѣ, такъ и для того, чтобы, воспользовавшись удобною минутой, осмотрѣть верхнее теченіе Пшехи. Колонна эта шла до тѣхъ поръ, пока мѣстность воспрепятствовала дальнѣйшему движенію кавалеріи. Партии неприятельскія, разсѣявшись по

горамъ, внимательно слѣдили за нашими движеніями, но не рѣшались остановитъ насъ.

По словамъ тубинскаго старшины Амчукова, который, какъ я замѣтилъ выше, былъ главный предводитель горцевъ въ эти дни, участь сотника Дугина была плачевная: весь израненный въ бою, онъ былъ схваченъ въ плѣнъ и находился все время въ саклѣ по лѣвой сторонѣ Пшехи; когда же появленіе нашихъ войскъ, съ намѣреніемъ спасти казаковъ, заставило тубинцевъ вывезти свое имущество и бросить аулы, тогда къ израненному сотнику приставленъ былъ только одинъ часовой. Звукъ сигнальнаго рожка, долетѣвшій до слуха, на минуту оживилъ полумертваго Дугина: онъ забылъ свою слабость, не видѣлъ болѣе присутствія сторожившаго его горца, вскочилъ на ноги и кинулся въ дверь сакли, чтобы увидѣть своихъ, русскихъ; но пашка часового покончила его дни!... Много сердился Амчуковъ на убійцу; хотѣлъ даже, какъ онъ говорилъ, застрѣлить горца за то, что онъ лишилъ его возможности воспользоваться случаемъ выручить за Дугина хорошія деньги, въ видѣ выкупа...

Получивъ назначеніе дѣйствовать въ Тубѣ, пшехскій отрядъ, 31-го марта, прибылъ на позицію при впаденіи рѣки Гогопсъ въ Пшеху. Эти мѣста и народъ, на нихъ живущій, были совершенно незнакомы ни нашему начальнику, ни отряду. Вотъ почему генераль-маіоръ Граббе, немедленно по прибытіи сюда, отправилъ находившагося при немъ лазутчика собрать всѣ предварительныя свѣдѣнія для предстоящей рекогносцировки; но чтобы, въ ожиданіи его возвращенія, не терять даромъ времени, назначена была рекогносцировка на слѣдующій же день, съ цѣлію осмотрѣть тубинскіе хутора по правой сторонѣ верховья рѣки Пшехи.

1-го апрѣля, колонна изъ 8 сотенъ козаковъ, 4 эскадроновъ драгунъ и одного стрѣлковаго баталіона, при взводѣ горныхъ орудій (*), подъ начальствомъ полковника Макарова, выступила въ семь часовъ утра. Пройдя вверхъ по Пшехѣ около двухъ верстъ, колонна повернула налѣво и начала взбираться

(*) Одна сотня 2-й бригады, одна—3-й, двѣ—4-й бригады и четыре сотни № 25-го пешаго полка; четыре эскадрона Тверскаго драгунаго полка; ширванскій стрѣлковый баталіонъ и взводъ горныхъ орудій облегченной № 3-го батареи.

на высоту по хорошо-проложенной арбуной дорогѣ. Сначала она шла около ущелья рѣки Басъ, но, дойдя до ея вершины, при горной рѣченкѣ Гогжеткъ, встрѣтила пустыя аулы. Аулы эти были нами окончательно уничтожены, при чемъ мы не встрѣтили во время рекогносцировки ни одного горца.

Къ вечеру того же дня прибыли лазутчики съ извѣстіемъ, что незначительная часть тубинцевъ переняла въ долину Курджиксъ съ намѣреніемъ отправиться на Лабу; часть ихъ съ имуществомъ своимъ педалась въ верховья рѣки Гогопсъ; большинство же изъ тѣхъ, которые желали выселиться въ Турцію, навремя развѣстались по Пезвуапѣ, прочіе разошлись по горнымъ ущельямъ.

Предварительная рекогносцировка и полученные свѣдѣнія показали, что если можно встрѣтить еще тубинцевъ, такъ только по рѣкѣ Гогопсъ и за высокой горной грядой, торчащей выше всѣхъ окрестныхъ горъ, по лѣвой сторонѣ Гогопсъ; почему, на 2-е апрѣля, и была назначена рекогносцировка по этой рѣкѣ и потомъ влѣво отъ нея.

2-го апрѣля, рано, выступила довольно значительная колонна изъ 3 баталіоновъ пѣхоты, дивизіона драгунъ, 2 сотенъ казаковъ и 2 горныхъ орудій (*). Пѣхотою командовалъ полковникъ Экельнъ; общее распоряженіе всѣмъ отрядомъ принялъ на себя самъ генералъ-маіоръ Граббе. Недолго шли мы вверхъ по Гогопсу: на третьей верстѣ перешли рѣку въ бродъ и начали подыматься за крутой лѣвый ея берегъ. Долго продолжалась эта операція; наконецъ мы взобрались на плоскость и, пройдя еще версты двѣ, были встрѣчены выстрѣлами сторожевыхъ хакучинцевъ. Затѣмъ отрядъ вытянулся въ одного и пошелъ по крайнѣ глубокой лѣсистой балки. Выстрѣлы хакучинцевъ произвели тревогу по ущелью. Въ скоромъ времени, сбѣжавшіеся на этотъ сигналъ хакучины заняли тропинку по другую сторону лѣсистой промоины и завязали съ нами перестрѣлку. Такимъ образомъ мы дошли до аула, видѣвшагося съ другой стороны. Полковникъ Экельнъ, замѣтивъ тамъ горцевъ, тотчасъ же приказалъ стрѣлковой ротѣ Елисаветпольскаго пѣхотнаго полка, двумъ сотнямъ казаковъ и командѣ

(*). Стрѣлковые баталіоны: 19-й, апшеронскій и елдино-линейный; стрѣлковая рота Елисаветпольскаго полка и рота пестунова; дивизионъ Нижегородскаго драгунскаго полка; двѣ сотни 4-й бригады; заводъ горныхъ орудій облегченной № 7-го батарея 20-й артилерійской бригады.

пластунъ спуститься внизъ и, перейдя на другую сторону, овладѣть ауломъ. Распоряженіе было выполнено какъ нельзя лучше. Рассыпанная цѣпь 19-го стрѣлковаго баталіона, выше тропинки, по которой мы шли, прикрывала своимъ орчемъ черезъ балку и не позволяла горцамъ подойти даже къ гребню обрыва; но какъ только цѣпь эта была убрана, а войска, занявша аулъ, отступили, горцы быстро спустились въ балку и начали преслѣдовать насъ. Колонна въ это время отбѣгала скалу съ противоположной стороны отъ лагерей. Горцы продолжали стрѣлять по насъ, но въ прикрытіемъ вѣтвями деревьевъ, съ самаго близкаго расстоянія, и пули, вылетавшія изъ балки, не всегда безплодно подымались къ намъ: раненыхъ прибавилось. Хотя горцы и не осмѣливались показать изъ гѣсу носа, но заставить ихъ замолчать было невозможно. Такая тропинка, размоченная дождемъ, по которой опасно было идти, не позволяла стрѣлкамъ дѣйствовать свободно, да и толстѣйшія деревья, скрывавшія противника, были большимъ препятствіемъ; поэтому спустить войска въ балку было крайне опасно: во-первыхъ, это значило безплодно затягивать перестрѣлку; во-вторыхъ, пришлось бы безъ особенной цѣли перенести мѣсто дѣйствія въ ущелье, что можно было считать съ нашей стороны рискомъ, такъ какъ проливной дождь сбѣгалъ всѣ спуски и подъезы непроходимыми. Лучшій исходъ былъ безостановочно идти, чтобы скорѣе миновать пропасть. Уже совершенно стемнѣло, когда колонна, уставшая, промоченная какъ отъ проливнаго дождя, шедшаго цѣлый день, такъ и отъ двукратнаго перехода въ бродъ черезъ Пшеку и Гоговсь, прибыла на прежнюю позицію съ противоположной стороны, принеся съ собою раненыхъ: одного офицера и семь рядовыхъ.

Послѣ этой рекогносцировки, нашъ отрядъ невозмутимо занимался работами. Воевать было не съ кѣмъ: тубинцевъ, противъ которыхъ мы назначались, не было; для борьбы съ хагучинцами нужно было переходить главный хребетъ, куда, по диспозиціи, идти не полагалось. А какъ безъ дѣла сидѣть нельзя, то мы каждый день что-нибудь да дѣлали.

3-го апрѣля была произведена съемка по направленію къ хагучамъ, подъ прикрытіемъ одной сотни казаковъ и одного эскадрона драгунъ.

Въ остальные дни, съ 4-го по 10-е апрѣля, исполнено слѣдующее:

1) Подвезенъ провіантъ изъ Прусской станицы на весь отрядъ по 17-е апрѣля.

2) Окончена рубка лѣса, на горномъ мысѣ при слияніи рѣкъ Гогоць и Пшехи.

3) Послѣ вырубки лѣса устроена засѣка для склада провіанта и прикрытія вагенбурга.

4) Устроена очень прочный пѣшеходный мостъ на возахъ черезъ Пшеху, который выдержалъ нѣсколько полноводій.

5) Исправлена вьючная татарская дорога по правую сторону Пшехи, для удобнаго переправы черезъ рѣку Гогоць.

6) Команда пластуновъ ходила по окрестностямъ и сжигала оставшіеся еще аулы.

Мостъ и засѣка принесли и впоследствии большую пользу, когда собрался новый отрядъ для дѣйствія противъ хакучей.

Долгая стоянка на этой позиціи не была однако желаніемъ ни начальника отряда, ни нашихъ. Назначеніе дѣйствовать въ тубинскомъ обществѣ не могло быть приведено въ исполненіе: мѣста были брошены тубинцами, а ближайшіи непріятель — хакучинцы и тубинцы, ушедшіе въ верховье рѣки Пшишь, были отъ насъ такъ далеко, что для дѣйствія противъ нихъ нужно было получить особенное разрѣшеніе.

Генералъ-маіоръ Граббе обо всемъ этомъ донесъ командующему войсками Кубанской области, но вскорѣ узналъ, что донесеніе не дошло до цѣли, потому что посланный гонецъ пропалъ безъ вѣсти. Вслѣдъ затѣмъ было послано другое донесеніе, которое нужно было доставить по тому же адресу къ берегу Чернаго моря; но второй нарочный былъ убитъ хакучинцами. Видя, что можно очень легко разсчитывать на такую же участь и слѣдующихъ донесеній, генералъ-маіоръ Граббе, не желая болѣе оставаться въ бездѣйствіи, рѣшился выполнить другое приказаніе графа Евдокимова, данное еще прежде: изслѣдовать перевалъ къ рѣкѣ Шахе и открыть, если можно, сообщенія съ даховскимъ и хамышейскимъ отрядами. Въ этихъ видахъ онъ оставилъ на позиціи одинъ баталіонъ пѣхоты, 3 эскадрона драгунъ и 3 сотни казаковъ (*), и, взявъ съ собою

(*) Сводно-стрѣлковый полубаталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка; стрѣлковая рота Елисаветпольскаго полка; рота пластуновъ; три эскадрона Нижегородскаго драгунскаго полка и три сотни 1-й и 4-й бригады.

4 баталіона пѣхоты, сотню казаковъ, эскадронъ драгунъ, со взводомъ горныхъ орудій (*), 11-го апрѣля двинулся въ горы. Мѣста, занимаемые отрядами, были въ такомъ отношеніи другъ къ другу, что не перерѣзывали всѣхъ путей для непріятеля, и если бы горцы захотѣли пройти по главному хребту отъ хакучей на Пшишь и въ другія мѣста, то могли бы это сдѣлать безпрепятственно. Вотъ почему сообщенія между сѣвернымъ и южнымъ скатами были важны.

Сначала нашъ путь шелъ по правому берегу Пшехи, потомъ переходилъ на лѣвый, а далѣе пролегалъ по горамъ, между рѣками Пшехою и Гугупсомъ. Ни слишкомъ крутые подъемы, ни дождь не препятствовали движенію отряда; но когда онъ дошелъ до верхняго теченія рѣки Гугупсъ, то здѣсь, изъ-за небольшого завала, сдѣланъ былъ по колоннѣ залпъ передовымъ пинетомъ хакучинцевъ. Вслѣдъ за нимъ раздались еще нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ, и затѣмъ хакучи удалились, бросивъ свой постъ. Въ этотъ день отрядъ, выступивъ довольно поздно, сдѣлалъ значительный переходъ — восемнадцать верстъ по довольно изрѣзанной мѣстности, покрытой глубокимъ снѣгомъ, и, дойдя до рѣки Пцепи, остановился ночевать. Но, въ виду собравшейся партіи, ночлегъ нашъ могъ быть не совсемъ покоенъ безъ особенныхъ предосторожностей, почему и было приступлено къ постройкѣ засѣки съ угрожаемой стороны.

Утромъ 12-го числа, сомкнувъ засѣку въ видѣ редута, генералъ-майоръ Граббе оставилъ въ ней линейный сводно-стрѣлковый баталіонъ Кубанской области, для обезпеченія пути, въ случаѣ если бы пришлось возвращаться по той же дорогѣ; самъ же съ остальными баталіонами двинулся далѣе, иди болѣею частію по снѣгу въ то время, какъ въ долинахъ уже открылся подножный кормъ. Къ полудню отрядъ безпрепятственно вскарабкался на главный хребетъ. Хакучинцы не тревожили насъ, хотя земли ихъ примыкали съ правой стороны. Также счастливо мы спустились съ хребта и, повернувъ на лѣво, продолжали путь по дикому ущелью Шахе. Не доходя версты до Вабунова аула, отрядъ остановился на ночлегъ. Въ

(* Стрѣлковые баталіоны: 19-й, ашшеронскій, ширванскій, сводно-линейный Кубанской области; эскадронъ Нижегородскаго драгунскаго полка; одна сотня 2-й бригады и горный заводъ облеженной № 7-й батареи 20-й артиллерійской бригады.

этотъ день было пройдено около семнадцати верстъ. Съ мѣста ночлега генераль-маіору Гейману было послано извѣстіе о нахожденіи нашего отряда вблизи даховскаго. На другой день онъ съ частію отряда хотѣлъ было прибыть къ намъ, но не могъ: еще необдѣланная скала перегораживала всякое сообщеніе, и только самъ генераль-маіоръ Гейманъ пѣшкомъ пришелъ для свиданія съ генераломъ Граббе.

Рано утромъ отрядъ тронулся въ путь, но не прошелъ и четырехъ верстъ, какъ опять надлежало подыматься на главный хребетъ съ южной стороны, къ горѣ *Оштену*. Переходъ этого дня былъ очень тяжелъ: единственная тропинка, вьющаяся вокругъ скалы съ вѣчно-снѣжной вершиной, дающей начало многимъ большимъ рѣкамъ, была такъ крута, что солдаты мѣстами шли на четверинкахъ. Подобная дорога тянулась версты на три. Страшно-глубокая пропасть съ вправо стороны была готовою могилою для всякаго сорвашагося несчастливца. Снѣгъ, болѣе чѣмъ трехсаженной толщины, былъ въ этотъ переходъ очень полезенъ: солдаты, прихлопывая его ногами, сами прокладывали себѣ тропинку въ такихъ мѣстахъ, гдѣ безъ снѣга невозможно бы было пройти. Изъ обрывававшихся случайно солдатъ въ это время, благодаря снѣгу, ни одинъ не спустился въ пропасть; они то врывались ногами въ снѣгъ, то, упираясь въ него, задерживали быстроту своего паденія до того, что могли, безъ поврежденія рукъ, хвататься за сучья. Не то было потомъ: немало лошадей погибло въ этой чернѣющей трещинѣ, куда даже солдаты не пытались спуститься.

Съ ужасомъ слѣдили солдаты за падающими. Общее ожиданіе гибели сорвашагося вначалѣ омрачало эти сцены; но при появленіи спасающагося радостное чувство изглаживало первоначальное впечатлѣніе, оставляя въ памяти зрителей только комическое содержаніе ея. Вотъ почему и взрывы хохота провожали несчастнаго, который, повязанный платкомъ, шелъ въ колоннѣ, ведя злосчастную лошадь безъ вьюка. При этомъ бывшіе зрители вспоминали, какъ, послѣ всякой попытки остановиться, лошадь переворачивалась черезъ голову, при чемъ брызгами разлетались вещицы съ ея вьюка; какъ съ такою же быстротою несся за нею ея вожатый, выдѣлывая руками и ногами разные штуки, сился схватиться за что-нибудь; какъ котелокъ, позвякивая рядомъ съ папахою, догонялъ

своего владѣтеля; какъ мѣшочекъ, вѣчный спутникъ солдата, развязавшись, въ видѣ рога изобилія, покрывалъ по покатости припавшіе сушарники и вмѣстѣ съ нѣкоторыми мелочами замыкалъ это не совсѣмъ приятное катанье съ горы. Но вскорѣ новое несчастье заставляло забывать прежнее. Такъ подвигались мы все въ гору.

Мало по малу вся колонна взобралась на высоты и пошла по болѣе ровнымъ снѣговымъ тропинкамъ. Дни во все время стояли отличные. Солнце пекло до того, что поврежденнымъ приходилось прикрываться рукою; но въ то же время ноги на снѣгу сильно забли.

Вскорѣ отрядъ прибылъ опять въ Самурскую станицу.

Описываемое движеніе пшехскаго отряда было послѣднимъ славнымъ его дѣломъ во время командованія имъ генералъ-маіора Граббе.

Затѣмъ отрядъ былъ въ сущности расформированъ и существовалъ лишь номинально.

Какъ бы то ни было, но къ этому времени все пространство отъ устья Кубани до Соче, по берегу моря, и отъ устья Лабы и нижняго теченія Кубани до истоковъ Малой Лабы, по сѣверному склону горъ, было совершенно очищено отъ враждебныхъ племенъ, за исключеніемъ крошечнаго общества хакучинцевъ, которые рѣшились не поддаваться нашей силѣ, о чемъ тогда еще мало было извѣстно, и которые жили по обѣимъ сторонамъ рѣки Аше и по всѣмъ балкамъ и рѣченкамъ, впадающимъ въ ущелье этой рѣки.

Пшехскій отрядъ уже не существовалъ въ прежнемъ составѣ: апшеронскій и ширванскій стрѣлковые баталіоны поступили въ составъ *мало-лабинскаго* отряда, начальникомъ котораго назначенъ былъ генералъ-маіоръ Граббе, и перешли въ Шанъ-Гиреевское ущелье.

Хамышейскій отрядъ получилъ изъ пшехскаго 3-й баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка и горный взводъ облегченной № 3-й батареи 19-й артилерійской бригады. Начальникомъ его остался, по прежнему, полковникъ Кишинскій.

Изъ остальныхъ частей пшехскаго отряда, съ прибавкою нѣсколькихъ баталіоновъ вновь сформированныхъ полковъ, былъ образованъ *новый пшехскій отрядъ*, подъ начальствомъ полковника Мерхилевича: онъ находился въ Пшехскомъ и Пшишскомъ ущельяхъ.

*

Всѣ эти четыре отряда занимались устройствомъ дорогъ на перевалахъ, исключая отряда въ Шхезскомъ ущельѣ, который оберегалъ верховье Шхези. Горные же взводы артиллеріи Терской области были отправлены въ свои штабъ-квартиры.

К. ГЕННОЪ.

(Окончаніе будетъ.)
